ЛЕ
П-12.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Р. К. П. (б.)

Комиссия по истории Октябрьской Революции и Р. К. П. (б-ков)

Мих. ПАВЛОВИЧ (М. П. Вельтман)

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

И

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ АМЕРИКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА - - 1922 - - ПЕТРОГРАД

ЛЕ
П-12
3 серия
Запад

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Р. К. П. (б-ков)
КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и Р. К. П. (б-ков)

Мих. ПАВЛОВИЧ (М. П. Вельтман)

ЛЕ
П-12.

Р. С. Ф. С. Р.

В ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОМ ОКРУЖЕНИИ

ВЫПУСК ТРЕТИЙ

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ АМЕРИКА

(Россия и Америка с 1780 г. до мировой войны. Россия и Америка от Октябрьской революции до Вашингтонской конференции. Русский вопрос на Вашингтонской конференции. Генуя и Гаага в борьбе за русскую нефть)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА - - 1922 - - ПЕТРОГРАД

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
№ 188487

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
188487

Гиз. № 3314. 1922 г. 7.000 экз.

1-я тип. Главн. Управл. Госуд. Издат. ПТГ. Б. Болотная, № 10.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая работа представляет третий выпуск нашей серии „Р. С. Ф. С. Р. в империалистическом окружении“. Два первых выпуска „Россия и Франция“, „Россия и Англия“ уже вышли в свет. Следующие выпуски „Россия и Япония“, „Россия и Германия“ выйдут в течение текущего года.

Первая часть предлагаемого выпуска, изучающая русско-американские отношения в эпоху царизма, представляет переработку статей автора, напечатанных в свое время в журнале „Современник“ (1912) и в английских и американских журналах (The Future, New Review). Некоторые главы из 2-й части были напечатаны в „Красной Нови“ (1921 № 1), в „Молодой Гвардии“ (1922 г. № 3), в „Современнике“ (1922 г. № 1) и в „Вестнике Комиссариата по Иностранным делам“.

Мих. Павлович.

Июль 1922 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Россия и Америка до Октябрьской революции.

§ 1. Русско-американские отношения в XIX столетии.

Война за независимость и лига вооруженного нейтралитета. — Война за освобождение негров и эскадра адм. Лиссовского. — Убийство президента Линкольна. Выстрел Каракозова.—Русско-американская дружба.

Соединенные Штаты принадлежат к числу тех первоклассных государств, с которыми официальная Россия в течение минувшего столетия никогда не имела особенно серьезных конфликтов. Наоборот, именно северо-американской республике Россия сумела оказать не раз помощь в трудную минуту. Хорошо известно, что во время первой американской войны за независимость императрица Екатерина II стала во главе *лиги вооруженного нейтралитета* (1780), направленной против Англии. Правда, эта лига не оказала особенно существенной поддержки американским повстанцам, да это и не входило в планы императрицы, относившейся с пренебрежением и недружелюбием к заокеанским бунтовщикам; правда, Екатерина II открыто обнаружила свои антипатии к последним, отказываясь в течении двух лет дать аудиенцию специальному посланнику американского конгресса, тщетно добивавшемуся этой милости, тем не менее в самом акте Екатерины II, продиктованном неприязнью к Англии, государственные деятели, историки и публицисты молодой республики увидели отрадный симптом, свидетельствовавший о возможности союзных действий обеих великих стран против общего врага—именно стремившейся к мировой гегемонии Англии. Но понятно, если даже при Екатерине II не могла установиться особенно близкая связь между

русской монархией и американской республикой, тем более не могло быть и речи об этом в эпоху царствования Павла I. Вполне сердечные отношения установились между русским и американским правительствами только со вступлением на престол Александра I, который в начальный период своего правления, вел переписку с вождем американской демократической партии, президентом Томасом Джефферсоном, два раза выписывал из Америки текст конституции великой республики и обнаруживал симпатии и интерес к Соединенным Штатам как к государству, у которого новая Россия могла бы многому поучиться. Но в период Аркачеевщины и Священного Союза отношения между официальной Россией и Соединенными Штатами испортились и в некоторые моменты принимали, как увидим далее, острый характер.

Однако, со вступлением на престол Александра II между Россией и Соединенными Штатами снова восстановились тесные дружеские отношения, и во время американской войны за освобождение негров (1861—1865) самодержавная Россия стояла на стороне северных штатов в противовес либеральной Англии, поддерживавшей рабовладельческий юг. Именно в английских портах, Ливерпуле и т. д., были спущены в воду и снаряжены к бою крейсера „Георгия“, „Флорида“ и т. д., не говоря уже о знаменитой „Алабаме“, которая нанесла такие удары торговому флоту северных штатов и захватила столько коммерческих судов. После удачной, длившейся целых два года (1862—1864) каперской кампании неуловимая „Алабама“ была, наконец, настигнута у берегов Шербурга американским военным судном „Кирзагом“ и пущена ко дну, потерпев поражение в бою, получившем громкую известность в анналах военно-морской истории. Ввиду явного нарушения нейтралитета великобританским правительством, которое, не обращая никакого внимания на протесты американского посланника в Лондоне Адамса, слишком открыто обнаруживало свои симпатии к рабовладельческой конфедерации, позволяя последней в течение всего периода войны сооружать в английских же портах при помощи английских компаний крейсера и другие военные суда, отношения между Англией и федеральными (северными) штатами все более и более обострялись, так что были моменты, когда война между обоими государствами казалась уже неизбежной. Помимо этого северной федерации грозила опасность и со стороны Франции Наполеона III. Если в сочувствии Англии южным штатам немалую роль играл пресловутый „хлопковый вопрос“, то враждебное отношение Второй французской империи к северной федерации объяснялось попросту мексиканскими

планами Франции (Мексиканская экспедиция 1862—1867) и желанием ее видеть Соединенные Штаты ослабленными, разделенными на два враждебных государства. Известно, что Наполеон III собирался было признать независимость южных штатов, отделение которых от северных в значительной мере облегчило бы осуществление авантюристских планов Второй империи по отношению к южноамериканским государствам. В эти трудные для североамериканской республики минуты русское правительство, крайне недовольное политикой Англии и Франции в польском вопросе, решительно стало на сторону американской федерации. Официальная Россия, только недавно разгромленная в Крымской кампании Англией и Францией, могла лишь с сочувствием относиться к созданию в Америке сильного государства, которое, угрожая Британской Канаде и французским владениям в Южной Америке, этим самым сдерживало бы наступательное движение упомянутых государств на ближнем Востоке. Таким образом с самого же начала гражданской войны в Америке русская дипломатия, сумевшая на этот раз правильно оценить настоящее положение вещей, всю силу и могущество северной федерации, ее неизбежную победу в грозном поединке [1]) с рабовладельческими штатами, оказала серьезную поддержку свободному северу целым рядом дружеских актов: в 1861 г. наше министерство иностранных дел предупредило северян о подготовляющейся против них коалиции некоторых европейских государств и выразило готовность оказать посильную дипломатическую поддержку С. Штатам. Русское правительство, первое из всех европейских правительств, провозгласило свое твердое намерение придерживаться принципа невмешательства во внутренние дела американской республики. Не ограничиваясь этим в высшей степени важным для северян дипломатическим шагом, Россия отправила в американские воды сильную военную эскадру под командой контр-адмирала Лиссовского для дружественных демонстраций в пользу северных штатов. Многие историки войны за освобождение негров утверждают, будто русская эскадра вышла в

---

[1]) В этой страшной войне, длившейся пять лет, было призвано, по официальным данным, под знамена северных штатов 2.759.000 волонтеров. В 1863—1864 г.г. северная армия насчитывала 900.000 чел., в мае 1865 г. более миллиона, в том числе 186.000 негров. За весь период войны северные штаты потеряли убитыми и умершими, по докладу военного министерства, 280.000 чел., не считая оставшихся калеками, изувеченных на всю жизнь, потерявших способность к работе и т. д. Эта титаническая война за освобождение негров оставила северным штатам государственный долг в 6 миллиардов рублей. До сих пор неизвестно, сколько эта война стоила человеческими жизнями и деньгами южным штатам, потери которых также были колоссальны.

путь с запечатанным пакетом, в котором заключался приказ оказать вооруженную помощь северным штатам в случае войны с Англией или Францией. В настоящее время это мнение считается неправильным. Как бы то ни было, отношения между северными штатами и Россией приняли очень тесный дружеский характер, и когда во время польского восстания в 1863 г. Англия и Франция прибегли к дипломатическому вмешательству [1]) в пользу повстанцев, некоторые органы европейской прессы обсуждали возможность войны, в которой русско-американскому союзу пришлось бы выступить против общих врагов. Отмена крепостного права в России, совпавшая с прокламацией об уничтожении рабовладельческого института на территории Соединенных Штатов, эпоха „великих реформ“, отмеченные выше дружественные акты русского правительства по отношению к заатлантической республике,—все это в необычайной степени усилило симпатии американского народа к России, и когда 4 Апреля 1866 г. раздался выстрел Каракозова, ни в одной стране это покушение не вызвало такого негодования, как в Соединенных Штатах. Американская пресса почти единодушно сравнивала террористический акт Каракозова, направленный против „Царя-Освободителя“, с совершившимся ровно за год перед этим (14 апреля 1865 г.) убийством в вашингтонском театре представителем рабовладельческой партии, актером Бутсом, „освободителя негров“, великого президента Линкольна. Как известно, Бутс, выстрелив в Линкольна, выскочил из президентской ложи на сцену и вскрикнул: „Sic semper tyrannis, юг отомщен“. И в выстреле Каракозова многие северяне увидели акт мести фанатика в ответ на освобождение крестьян. Вообще американцы той эпохи склонны были проводить аналогии между двумя величайшими в мире континентальными державами, имеющими де, правда, различные формы правления, но похожими друг на друга во многих отношениях и как бы созданными для тесной дружбы и союза против общих врагов. И даже в польском восстании (1863), вспыхнувшем через два года после уничтожения крепостного права, многие северяне находили аналогии с восстанием рабовла-

---

[1]) Раньше всех других держав обратилась с нотой к России Англия, ссылаясь на Венский трактат 1815 г., установивший для Царства Польского определенные гарантии. Затем вмешался в польские дела Наполеон III, обратившийся с личным письмом к Александру II. Наконец, 10 апреля 1863 г. три державы: Англия, Франция и Австрия, обратились одновременно с представлениями по польскому вопросу. К этому дипломатическому вмешательству присоединились также Испания, Италия, Швеция, Дания, Голландия, Португалия, папский престол и даже Турция. Одним словом, вся Европа, за исключением Пруссии, устроила дипломатическую демонстрацию против России.

дельческих штатов, против которых они вели войну. Как бы то ни было, сейчас же после выстрела Каракозова американский конгресс постановил — и это решение с необычайным энтузиазмом было встречено всей прессой и общественным мнением страны—отправить в Россию чрезвычайное посольство для выражения глубокой радости конгресса по поводу счастливого избавления „Его Императорского Величества" от угрожавшей опасности от руки фанатика. Это чрезвычайное посольство было с соответствующим торжеством принято в Петербурге, и вслед за этим вел. князь Алексей отправился с ответным визитом в Америку, где и был принят с энтузиазмом. Последовавшая в следующем 1867 г. уступка Россией за 15 миллионов рублей полуострова Аляски Соединенным Штатам, встреченная таким неодобрением в Англии и особенно в Канаде, значительная часть территории которой оказалась как бы сдавленной в американских тисках, еще более сблизила русскую монархию с заатлантической республикой. В течение последующих десятилетий отношения между обеими странами сохраняли прежний дружелюбный характер. В общем можно сказать, что на протяжении минувшего столетия оба государства все более сближались друг с другом, и не простой дипломатической фразой явились слова представителя Соединенных Штатов на официальном русско-американском банкете (1893): „Наша страна всегда помнит о великой услуге, оказанной ей Россией во время войны с южными штатами. Мы должны сблизиться еще теснее. Мы всегда будем итти рука об руку с Россией в минуту опасности". В ту пору никто не предвидел, что очень скоро Соединенные Штаты. в силу быстрой экономической эволюции страны и гигантского развития американской индустрии, выступят на мировой арене в качестве ярого противника русской захватной политики на Дальнем Востоке. Однако, следует оговориться, что и в XIX столетии России и Америке пришлось несколько раз вступать в конфликты друг с другом, притом в высшей степени любопытно, что основные принципы внешней политики Соединенных Штатов выработаны и формулированы именно *на почве столкновения с дружественной Россией.*

Современная внешняя политика заатлантической республики покоится на двух базах: доктрине Монроэ и признании „открытых дверей" (open door) по отношению к Срединной империи. Доктрина Монроэ являлась отличительным и основным элементом международной политики С. Штатов в течение минувшего столетия, принцип же „открытых дверей", формулированный в 1899 г. по отношению к Срединной империи государственным секретарем Геем в ноте к державам, является и будет служить базой

международной политики С. Штатов в течение нынешнего столетия. Доктрина Монроэ была формулирована 2 дек. 1823 г. в послании президента С. Штатов Монроэ к конгрессу. Ее основной принцип заключался в признании враждебным актом по отношению к Соединенным Штатам всякой попытки вмешательства европейских держав во внутренние дела американского материка, распространения европейской колонизации или политического влияния того или другого заокеанского государства на какую-либо часть Америки. Поводом к провозглашению доктрины Монроэ послужили непосредственное столкновение Соединенных Штатов именно с Россией из-за вопроса о границах русских владений в Америке и затем косвенное столкновение с той же Россией по вопросу о вмешательстве Священного Союза, во главе которого стояла Россия, в испанские дела. Как известно, французский король Людовик XVIII, по поручению России, Пруссии и Австрии восстановивший абсолютную монархию в Испании, собирался помочь Фердинанду VII вернуть испанской короне отложившиеся южно-американские колонии, независимость которых была признана С. Штатами. Декларация Монроэ — quos ego (я вас) великой республики—сделала невозможным осуществление подобных планов. Волей Соединенных Штатов влияние всесильного Священного Союза не могло распространяться на американский материк.

Доктрина Монроэ, представлявшая собою формулу гегемонии Соединенных Штатов на протяжении обеих Америк, не могла конечно долго служить яблоком раздора между Россией и заатлантической республикой, ибо слишком уж ничтожны были интересы России в Америке, тем более, что наше правительство никогда и не подозревало, какие несметные богатства скрываются в недрах Аляски [1]). В 1824 г. по настоянию Соединенных Штатов были установлены окончательно границы русских владений в Америке, поставившие барьер дальнейшему движению России на юг, а несколько лет спустя русские покинули и свою факторию в Калифорнии, что было встречено с большим удовлетворением правительством Соединенных Штатов, смотревшим на эту факторию лишь как на первый подготовительный шаг России к утверждению своего политического и военного влияния в этой области. С продажей Аляски в 1867 г. Россия окончательно ликвидиро-

---

[1]) Проданная за 7,2 миллион. долларов Аляска в первое десятилетие нынешнего столетия приносила в среднем ежегодно до 160 милл. долларов. Здесь разрабатывается графит, киноварь, серебро-свинцовые, медные и оловянные руды, каменный уголь, золото. Много дохода приносит эксплоатация строевого леса, охота на пушного зверя, ловля тюленей, трески, сельдей.

вала свои колониальные планы на американском континенте. Теперь, казалось, ничто не могло уже мешать установлению „вечной дружбы“ между обоими государствами. Панамериканизму — гегемонии Соединенных Штатов над обеими Америками — менее всего могла угрожать какая-либо опасность со стороны русского империализма.

§ 2. Русско-Американские отношения от начала нынешнего столетия до Портсмутского мира.

Политика „открытых дверей“. Экономическая сущность русского и американского империализма. Борьба за Маньчжурию; русские и американские методы. Портсмутский мир. Еврейский вопрос в русско-американских отношениях.

Доктрина Монроэ, запрещавшая европейским державам вмешиваться в дела государств американского континента и в то же время устанавливавшая *принцип полного невмешательства С. Штатов в европейские дела*, являлась наследием той эпохи, когда трансатлантическая республика была уже первоклассным государством, но не превратилась еще в *мировую* державу. Между тем, по мере того как американская индустрия с каждым днем все быстрее шла вперед в своем поступательном развитии, по мере того как торговый флаг С. Штатов стал чаще и чаще появляться в самых различных пунктах земного шара и уже для американской промышленности стали слишком тесны границы казавшегося когда-то грандиозным панамериканского рынка, понятие „европейские дела“, в которые, согласно доктрине Монроэ, не следовало вмешиваться С. Штатам, суживается в представлении государственных деятелей, дипломатов, представителей торгово-промышленного мира великой республики. Только недавно известный американский писатель, капитан Маган, заявлял: „Под понятием „Европа“, согласно доктрине Монроэ, следует разуметь, по моему мнению, европейский континент *вместе с Африкой*, Оттоманской империей и Индией. Но эта доктрина, само собою разумеется, не распространяется на Японию, Китай и вообще на Тихий Океан и все омываемые им страны“. Между тем, как рассказывают некоторые участники Алжезирасской конференции (15 января—7 апреля 1905 г.), когда один из европейских дипломатов сказал шутя во время одного из

перерывов между заседаниями конференции представителю С. Штатов: „Коллега, ведь доктрина Монроэ запрещает нам вмешиваться в американские дела, а вам, наоборот, в дела европейские", Генрих Уайт ответил: „Да, в дела Европы, но не Африки, а ведь здесь идет речь о Марокко". И этот ответ американского дипломата, равно как и самый факт участия Соединенных Шатов на Алжезирасской конференции, а до того на берлинском конгрессе 1885 г., где был поставлен вопрос о „свободном государстве Конго", свидетельствовали о глубоком переломе в экономической жизни Соединенных Штатов и в направлении ее внешней политики. Северо-американская республика, бывшая сравнительно недавно страной импорта не только европейских мануфактурных товаров, но и европейских капиталов, главным образом английских, стала с поразительной быстротой в течение последней четверти минувшего столетия превращаться в экспортера всякого рода фабрикатов и капиталов, которых было так много у американских миллиардеров. И удивительно ли, что „дядя Сам", когда-то с таким пренебрежением отмахивавшийся от всяких заатлантических дел, наивно утверждавший, согласно формуле президента Гранта, что „недалеко то время, когда всякая *политическая* связь между Европой и Америкой исчезнет", пожелал взвалить и на свои плечи „бремя белого человека" (the white man's burden) и стал вмешиваться в мароккские, трипольские, конгские и т. д. дела. Ведь, кто говорит „мировая торговля", должен сказать „мировая политика" так же, как сказавший „а" не может не сказать „б". И нет другой страны, во внешней политике которой военный флаг с такой последовательностью шел бы за флагом торговым, и только за последним, как С. Штаты.

В течение первых трех четвертей минувшего столетия промышленные державы Европы рассматривали С. Штаты как великолепный рынок, который, в обмен на экспортируемое им сырье и вообще продукты первой необходимости, будет поглощать все большее и большее количество европейских фабрикатов. И действительно, в течение долгого времени С. Штаты являлись преимущественно покупателями иностранных фабрикатов, сбывая в Европу, главным образом, пшеницу, скот, хлопок, железную руду и т. д. В 1844 г. С. Штаты импортировали из Европы на 44 милл. долларов всякого рода фабрикатов, за пятилетие 1850-1854 г.г. ежегодный импорт тех же товаров достиг суммы 129 милл. долл., за пятилетие 1855—1859—цифра ежегодного ввоза поднялась до 143 милл. долл., а за период 1870—1874 г.г. средняя цифра дошла до 207 милл. Затем цифра импорта обработанных товаров падает: сред-

няя для 1875—1879 г.г.—120 милл., 1885—1889 г.г.—200 милл., 1890—1894 г.г.—206 милл., 1894—1899 г.г.—193 милл. Правда, в XX столетии цифра импорта обработанных товаров подымается, но она уже представляет не более четверти общего импорта всякого рода товаров в С. Штаты, в то время как в шестидесятых годах она представляла более половины.

Вместе с тем с поразительной быстротой растет экспорт обработанных товаров из самой Америки. В 1870 г. С. Штаты экспортировали фабрикатов на 56 милл. долл., в 1890—1894 г.г. ежегодный средний вывоз равнялся 208 милл., в 1900—1904 г.г.—329 милл. долл., а в 1906 г.—вывоз обработанных товаров достиг внушительной цифры: 469 милл. долл. Американская индустрия стала конкурировать с европейской не только на территории Соединенных Штатов, но и в самой Европе и на всех пунктах земного шара. Представители американской промышленности стали говорить о необходимости завоевания для С. Штатов внешних рынков, куда развивающаяся с лихорадочной быстротой индустрия могла бы сбывать свои товары, для которых собственный национальный рынок стал уже слишком тесен. Основанная в 1895 г. „The National Association of manufacturer“ поставила своей главной целью содействие экспорту американских фабрикатов. В 1898 г. президент ассоциации американских банкиров на заседании комиссии, учрежденной этой ассосиацией, воскликнул: „Мы имеем в своих руках все основные факторы промышленной гегемонии: уголь, железо, сталь. До сих пор С. Штаты были житницей мира, мы надеемся, что скоро наша страна сделается *мировой фабрикой*, чтобы затем выступить в роли международного банкира“. Через несколько месяцев после этой речи, явившейся как бы манифестом американской финансовой и торгово-промышленной буржуазии, С. Штаты объявили войну Испании (21 апреля 1898), и таким образом великая республика решительно вступила, подобно другим первоклассным державам, на путь воинствующего империализма, силой оружия открывая рынки для своей индустрии.

Известно, какое впечатление на всю Европу произвела испано-американская война. Почти вся европейская пресса, и в особенности русская, отнеслась с резким осуждением к разбойничьему нападению „сребролюбивых янки“ на „рыцарскую Испанию“. Забыты были ужасы испанского режима на Кубе и на Филиппинах, и перед глазами европейских политиков встала лишь не особенно приятная для многих держав перспектива встречи на арене мировой борьбы с новым грозным конкурентом, с которым волей-неволей придется считаться всякому, кто имеет виды на Китай и другие еще не захваченные никем области земного

шара. И неудивительно, что наша официальная и официозная пресса отнеслась неприязненно к американским победам и резко осуждала дух империализма, обуявший мирное дотоле население Соединенных Штатов. Чувствовалось, что отсюда грозит опасность русско-американской дружбе, что последней приходит конец. И в самом деле, только в апреле 1898 г. С. Штаты с оружием в руках бросились отвоевывать себе опорные базы для будущей торгово-промышленной гегемонии в Срединной империи и на всем побережьи Тихого Океана, а уже *в 1899 г. заатлантическая республика в ноте ко всем державам потребовала признания принципа открытых дверей по отношению к Китаю.* Как известно, правительства всех государств присоединились к этой доктрине, за исключением русского, которое дало крайне неопределенный ответ, возбудивший подозрения американской дипломатии и начавший собою новую эру в истории отношений между обеими странами. С этого момента русско-американские отношения стали с каждым днем все более ухудшаться и привели, если не к открытому разрыву между старыми друзьями, то во всяком случае к почти открытому переходу С. Штатов на сторону врага империалистической России на Дальнем Востоке—Японии, именно в С. Америке и Англии нашедшей моральную и материальную поддержку, необходимую для рискованного поединка с северным колоссом. И разрыв традиционных русско-американских отношений сделался неизбежен с того момента, как энергичные янки перестали удовлетворяться тесными границами американского континента и стали стремиться к господству на Тихом Океане, который должен был сделаться американским „*Средиземным морем*“, а господство на Тихом Океане обозначало в сущности господство в Китае, к которому уже протягивалась рука Безобразовых, Алексеевых и. т. п. Таким образом торгово-промышленный империализм С. Штатов с его девизом „открытых дверей“ в Срединной империи стал лицом к лицу с империализмом русским, стремившимся к захвату или, по крайней мере, к разделу Китая.

Трудно представить себе две страны, внешняя политика которых имела бы так мало общего, как политика царской России и С. Штатов. Говоря это, мы отнюдь не имеем в виду этическую сторону вопроса, ибо ею совершенно не интересуется дипломатия. Во внешней и колониальной политике С. Штатов мы видим за последнее время не меньше вероломства, хитрости и жестокости, чем в империалистической политике других стран. Что может быть в этом отношении характернее войны с Испанией, войны, которая *началась якобы во имя освобождения Кубы и кончилась порабощением* геройского населения Фи-

липпин. И следует заметить, что во время переговоров в Гонконге в мае 1893 г. между Бельтманом и вождем филиппинских инсургентов Агвинальдо первый по поручению американского правительства предложил Агвинальдо сесть на американский крейсер, высадиться с громадным запасом доставленного из Америки оружия и боевой аммуниции на Филиппинах и поднять восстание во имя независимости острова, достижению которой готово-де оказать всевозможное содействие правительство С. Штатов. Агвинальдо и его единомышленникам и на ум не приходило, что американская дипломатия попросту желает воспользоваться филиппинским народом как орудием для осуществления своих империалистических планов. Тогда казалось, что С. Штаты удовлетворятся возможностью иметь угольные станции и гавани для своего флота на Филиппинах и что американское правительство на самом деле всеми силами поможет созданию и утверждению Филиппинской республики. Известно, как горькая действительность разбила все эти мечты. После того как восставшие филиппинцы помогли малочисленной американской армии принудить к сдаче испанские войска и завладеть островом, американцы, получив подкрепление из Соединенных Штатов, направили всю свою энергию к тому, чтобы огнем и мечом заставить филиппинцев, вчерашних своих друзей, отказаться от заветных мыслей о независимости родины. Тогда началась эпоха „американских зверств“ на Филиппинах, применения страшных пыток с помощью воды и т. д. Несомненно, что вероломное поведение правительства Соединенных Штатов по отношению к филиппинцам, кровавое подавление восстания, длившегося с мая 1900 г. по июль 1901 г. и закончившегося гибелью тысяч филиппинских революционеров и пленением самого Агвинальдо, представляет собою одну из самых мрачных страниц в истории преступлений дипломатии конца XIX и начала XX века... И тем не менее внешняя политика С. Штатов по своим основным чертам резко отличалась от политики царского правительства. Если С. Штаты представляют собой чистую форму современного капиталистического государства, где не осталось уже еще могучих в других странах пережитков крепостного и полуфеодального режима, где нет дворянства, где армия и бюрократия являются послушным орудием в руках торгово-промышленной буржуазии, этого главнейшего руководителя внутренней и внешней политики страны, то совершенно на другом полюсе стояла царская Россия, в которой бразды правления держал в своих еще крепких руках класс прошлого, союз крупных представителей объединенного поземельного дворянства. Правда и в Соединенных Штатах партия аграриев, поставщиков

сельско-хозяйственных продуктов, играет очень видную роль во внутренней и внешней политике страны, но все же американский империализм является прежде всего выражением интересов промышленного капитала С. Штатов. И все современные государства накануне мировой войны, по характеру своей внешней политики, приближались или к С. Штатам, как Англия и Германия, хотя в первой даже сохранила не малую долю своего прежнего влияния палата лордов, направляющая курс внешней политики часто наперекор интересам британской индустрии,—или к царской России, как, напр., Испания, Италия и в особенности республиканская Франция, где существует и с каждым днем все более и более развивается гигантский, переросший производительные силы страны бюрократический и военный аппарат, орган, созданный в интересах господствующих классов, но развивающий уже свою собственную функцию: именно здесь мы видим, как франкмасонствующая буржуазия и представители радикально-социалистической партии с целью привязать к республике клерикальное офицерство и армию поддерживают всякого рода бессмысленные колониальные авантюры, противоречащие основным интересам национальной промышленности.

Внешняя политика царской России выражалась главным образом в авантюрах, в захвате все новых и новых земель, ненужных и без того распухшей в территориальном смысле стране. Это была типичная политика класса крупных помещиков, жадно стремящихся к захвату новых и новых территорий, к завоеванию слабых соседних государств в целях экспроприации лучших участков земли и образования здесь обширных дворянских „латифундий“ [1]),— это политика бюрократического государства, главным, а иногда и исключительным предметом экспорта которого является чиновник: губернатор, прокурор, становой пристав, жандармский ротмистр или другой какой-либо представитель благородного сословия, не нашедший себе теплого местечка на родине и коротающий теперь свой век на окраине, на

---

[1]) В свое время русская пресса немало писала о пресловутом расхищении башкирских земель. То же самое, иногда в больших, иногда в маленьких размерах происходило на Кавказе, в Туркестане, во всей средней Азии. Что касается Маньчжурии, известны из официальных документов случаи применения истязаний и жестоких телесных наказаний, не говоря уже о простых смертных, даже к китайским мандаринам за отказ уступить тому или другому благополучному россиянину облюбованный последним земельный участок, законно принадлежащий данному мандарину.

Вот для чего царизму нужна была Маньчжурия. Интересы же нашей промышленности в этой области были крайне ничтожны. Так в 1908 г. было вывезено в Маньчжурию товаров *русского* происхождения на 8 миллионов рублей, между тем одни ежегодные перерасходы на нужды Китайской Восточной дороги равнялись 26 миллионам рублей; в общем же на терри-

двойные, на тройные жалованья, прогоны, подъемные, квартирные и другие казенные доходы. Эта политика захватов, эта бюрократическая и *помещичья жадность ко всякой плохо защищенной земле* нашла себе особенно яркое, прямо-таки классическое выражение во всех наших авантюрах накануне русско-японской войны; Малая Азия, Персия, Афганистан, Памир, Китайский Туркестан, Тибет, Маньчжурия, Корея, Желтое и Японское моря—всюду велись интриги, всюду тратились бешеные деньги на подкупы, на банки, на никому ненужные концессии, всюду строились или проектировались железные дороги и другие пути сообщения, все это наши Алексеевы и Безобразовы хотели захватить, не говоря уже об их заветных мечтах завладеть Индией и Китаем. И даже страшный разгром на полях Маньчжурии мог лишь временно приостановить развитие этой политики.

Известно, каким страшным тормозом, каким каторжным ядром для русской промышленности явилась вся эта политика территориальных захватов. Колоссальные расходы, связанные со всеми этими авантюрами, безумные затраты на трансманьчжурскую железную дорогу, на Порт-Артур и Дальний, на средне-азиатские затеи, на интриги в Персии, Китае, Тибете и т. д., крайне ослабили покупательную силу внутреннего рынка, отвлекли миллиарды рублей от крайне необходимых затрат внутри самой России, и хотя и пошли на пользу кучки металлургических королей и финансовых баронов, в немалой степени связали рост наших производительных сил, помешали созданию в стране крепкой, могущественной индустрии, способной развиваться без правительственных субсидий и подачек. В то самое время, когда там на Крайнем Востоке, с американской быстротой возникает какой-нибудь город Дальний, прозванный так остроумно городом Лишним,—в Европейской России такие приморские центры, как Одесса, которые при других условиях могли бы сделаться важнейшими пунктами мировой торговли, хиреют только потому, что правительство не желает затратить для этой цели нужные миллионы. По всей стране, по всем ее областям не хватало железных дорог и элева-

---

торию, по которой проходит эта дорога, было израсходовано более полутора миллиарда рублей.

Таким образом ничтожный вывоз русских товаров в Маньчжурию не покрывал даже расходов на одну железную дорогу. Более того, г. Меркулов в своем докладе „Возможные судьбы русской торговли на Дальнем Востоке" доказал, что русские фабрикаты могли бы конкурировать с иностранными в Маньчжурии разве в том случае, если бы Правительство организовало их бесплатную доставку как по железной дороге, так и морем (см. об этом: Головачев, „Россия на Дальнем Востоке").

торов... Ежегодно сотни и сотни тысяч пудов хлеба гнили поэтому на станциях, товары залеживались и теряли значительную долю своей ценности... Затем прежде судоходные реки мелели, каналы, проведение которых является настоятельною потребностью времени, красовались десятки лет лишь в проектах инженеров, и русская промышленность, сдавленная в тисках абсолютизма, задержанная в своем поступательном движении этой разрушительной для страны политикой захватов, билась, как раненая птица, и не могла развернуть своих крыльев, тень от которых при других условиях покрыла бы собой значительную часть земного шара. Так внешняя политика, руководимая классом помещиков, выражавшаяся в новых и новых территориальных приобретениях, совершаемых якобы в интересах завоевания новых рынков, становилась поперек развития производительных сил страны, роста ее промышленности, ссылка на мнимый расцвет которой являлась главным аргументом под пером сикофантов для оправдания политики последних десятилетий эпохи царизма.

Совершенно иной характер носит, иные цели преследует империализм С. Штатов. Здесь территориальное завоевание служит не самодовлеющей целью, а лишь средством к расширению рынка, к созданию опорных баз для достижения той промышленной гегемонии, к которой в силу железной логики экономического процесса стремятся все передовые капиталистические страны. В своем адресе к студентам одного из американских университетов известный миллиардер Карнеджи взял в качестве темы именно вопрос о „мировой промышленной гегемонии", при чем несколько преждевременно утверждал, будто международное промышленное первенство, которое когда-то принадлежало Великобритании, перешло теперь к Соединенным Штатам, носящим ныне „промышленную корону". Во всяком случае здесь ясно указывается цель, которую преследуют промышленные деятели и короли американской индустрии. И война с Испанией, вероломный захват Кубы, Порто-Рико, Филиппин, овладение сильной стратегической позицией в Мексиканском заливе и Караибском море, угольными станциями на Тихом Океане и, наконец, могучей операционной базой на Дальнем Востоке—все это должно было лишь дать возможность С. Штатам защищать интересы своей индустрии в Срединной Империи и на всем дальне-восточном рынке. Чтобы удешевить провоз своих товаров в эти области и не быть вынужденными отправлять свои фабрикаты длинным путем через Суэцкий канал, американцы решили прорыть Панамский перешеек, по отношению к которому остров Куба является чем-то в роде ключа. Желание отнять у испанцев возможность запереть в один

прекрасный день выход из Панамского канала, проведение и укрепление которого стоило столько сотен миллионов долларов, и заставило практичных янки объявить войну испанцам.

Овладение промежуточными угольными станциями и в особенности Филиппинскими островами дало С. Штатам не только прекрасную военную базу для будущих действий американского флота в случае угрозы интересам трансатлантической республики, но и надежное складочное место для товаров, которые из Маниллы могли проникать в различные порты Срединной Империи, Индо-Китая, Японии, складочное место, которое, как рассчитывают американцы, будет в состоянии скоро не только конкурировать с Гонконгом, но и затмить его.

И действительно, после испано-американской войны внешняя торговля С. Штатов с азиатскими странами стала расти с необычайной быстротой. В 1890 г. доля С. Штатов в общем импорте в Китай едва достигала 6%, в 1896—она равнялась 8%, в 1904—13%, в 1905—20%. Из общей суммы импорта в 326 милл. долларов ввезено из Соединенных Штатов прямым путем в Китай 56 милл. дол. и через Гонконг на 19 милл., итого на 56 милл. долл. В такой же мере рос ввоз американских товаров в Японию, поднявшийся с 9,4% общего импорта в 1900 г. до 21,5% в 1905 г. (Achille Viallate, L'Industrie Américaine, см. стр. 430).

В торговопромышленном мире Соедин. Штатов в течение последнего времени все более укреплялось убеждение, что главным и, так сказать, естественным рынком для американской индустрии является именно Азия и прежде всего 400 милл. Поднебесная Империя.

К несчастью для русских империалистических планов—и здесь лежала основная причина русско-американского конфликта—случилось так, что наиболее блестящие победы стала одерживать американская индустрия именно на севере Китая, и преимущественно в Маньчжурии. Сейчас же после разгрома Испании американцы показали, что они отнюдь не думают удовлетворяться одними военными лаврами. В противоположность образу действий России в подобных случаях, С. Штаты не довольствовались своими территориальными приобретениями исключительно как предлогом для увеличения штата чиновников, для доходных местечек военным и гражданским бюрократам, для экспроприации земельных участков. Они не отрезали Филиппин таможенной стеной от остального мира. Наоборот, они ввели на острове систему открытых дверей, свободной торговли. Филиппины должны были для Штатов явиться лишь оазисом, соединительным звеном между двумя континентами, разделенными безграничной морской пустыней,

какой является Тихий Океан. И скоро весь мир увидел, что для американцев эти разговоры о „рынке“, о „борьбе за промышленную гегемонию“, за торговые интересы, не были пустыми и бессодержательными фразами, какие мы часто встречали на страницах нашей русской официальной прессы, какие мы слышали в Испании, Италии, Франции, где порой даже пресловутая пустыня Сахара, этот океан песка и камней, изображается в виде идеальной колонии, лучшей жемчужины среди африканских сокровищ (см. об этом нашу работу „Экономическое развитие Франции в XX столетии“. Петроград 1918).

Прежде всего американцы решили захватить в свои руки заграничный импорт керосина и табаку в Китай. Они устроили в одном только Ханькоу четыре гигантских резервуара, куда подвозили керосин в громадных наливных пароходах и в вагонах, и из Ханькоу стали рассылать керосин в самые глухие деревушки южного и центрального Китая, а затем стали себе отвоевывать позиции в северных областях Поднебесной Империи. Так началась борьба между русским и американским керосином, в которой Россия, несмотря на все победы ее дипломатии в Срединной Империи, сотни миллионов рублей, истраченных на военные гарнизоны, крепости и т. д. в Маньчжурии, терпела все новые и новые поражения. Ввоз русского керосина в Китай, достигавший 25 милл. галлонов в 1899 г., опустился до трех милл. галлонов в 1908 г., уменьшившись более, чем в восемь раз за одно десятилетие.

Наоборот, импорт американского керосина поднялся с 42 милл. галлонов в 1899 г. до 122 милл. в 1908 г., т.-е. утроился. Особенно удивительны успехи американцев в завоевании китайского табачного рынка.

Любопытно, к какой рекламе прибегали предприимчивые янки, чтобы убить конкурентов. Приезжая в какую-нибудь деревню, представители американской „British american Tobacco company“, имевшей свои складочные места в Манилле на Филиппинах и в Ханькоу, скупали все русские и японские папиросы, приносили их на площадь и сжигали на глазах публики, затем раздавали всем присутствующим свои папиросы, восхваляя превосходство последних над всеми другими; покидая данную деревню, агенты оставляли у какого-нибудь китайского миссионера большое количество товаров, которые давали ему даром. Не довольствуясь подобной рекламой, американцы расклеивали повсюду гигантские афиши, изображающие китайцев, с наслаждением курящих заокеанские папиросы. Таким образом американцы вытеснили русские и японские папиросы почти из всей Маньчжурии и даже из Мукдена. Конкуренты обвиняли „корыстолюбивых янки“ в том, что они

льстят националистическим и революционным чувствам китайского народа, продавая папиросы с надписью: „Желтый Дракон", „Национальная армия" и т. д., одним словом, ведут борьбу за рынок нелойяльными средствами. „Да здравствует национальная армия", говорит иной студент, закуривая папиросу у своего товарища. „1000 и 1000 лет Желтому Дракону", отвечал последний, любезно предлагая свою папиросу.

Как бы то ни было, несмотря на чудовищные первоначальные расходы, с которыми была связана невиданная дотоле в Китае реклама, „British American Tobacco Compапу" скоро стала получать прибыль на свой капитал. С такой поразительной энергией боролись Соединенные Штаты за расширение своего рынка в Китае, куда они стали с каждым годом сбывать все в большем и большем количестве медь, минеральные масла, механические инструменты, локомотивы, машины, рельсы, стальные изделия и т. п.

С особенной быстротой развивался сбыт американских хлопчатобумажных тканей и пряжи в Северный Китай и Маньчжурию, куда в 1905 г. импортировано этого товара на 28 милл. долларов, в 1906 г. на 29½ милл. долл. (более половины общей ценности хлопчатобумажного экспорта из Соединенных Штатов).

Ныне с особой настойчивостью американцы стараются завоевать для своей хлопчатобумажной индустрии южнокитайский рынок.

А как боролась царская Россия за свои великие промышленные интересы в Северном Китае и Маньчжурии?

Возьмем для примера Нью-чуанг, этот важнейший порт, который в 1900 г., несмотря на протесты иностранных держав и прежде всего С. Штатов, был передан в ведение наших гражданских властей. Раньше всякого рода других предметов экспорта в Нью-чуанг было импортировано громадное количество чиновников всех ведомств и всякого образца. Затем для нашего гражданского губернатора в Нью-чуанге было выстроено прекрасное здание, на шпице которого красовался позолоченный двуглавый орел, гордо взиравший на город и прилегающие области. После этого административная машина пошла в ход. Прежде всего в связи с вспыхнувшей забастовкой китайских рабочих на маслобойнях из-за вопроса о повышении заработной платы была издана прокламация к рабочим, раз навсегда запрещавшая стачки в подчиненных русским властям областях Китая. Губернаторский эдикт гласил следующее:

„Я нашел, что заработная плата в течение последних трех лет увеличивается ежегодно. Что же вызвало заба-

стовку? *По русским законам* (курсив мой. М. П.) зачинщики рабочих стачек наказываются как бунтовщики, те же, кто прислушается к словам подстрекателей, в свою очередь подлежат строжайшим наказаниям. Я уже приказал арестовать и наказать зачинщиков, вас же уведомляю, что не позже, чем завтра, вы обязаны стать на работу. Ослушники будут немедленно арестованы и высланы из порта".

Итак, запрещение раз навсегда всякого рода стачек, телесные наказания, высылка ослушников—вот первые мудрые меры, к которым прибегли наши власти в попечении о промышленном прогрессе области, над которой стал парить двуглавый орел. И для курьеза следует прибавить, что *упомянутые маслобойни отнюдь не принадлежали русским капиталистам*, так что в интересах чьей промышленности так старались наши власти—одному Аллаху ведомо.

Что же касается представителей нашей отечественной промышленности, их, конечно, вопрос о маньчжурском рынке мало тревожил. „Наш русский фабрикант,—сетовал г. Рунич в „Историческом Вестнике" (1904 г., № 2)—совсем не интересуется Маньчжурией. ... Ей Богу, перед китайцами стыдно. Они за тридевять земель ездят в Россию, хотят торговлю заводить с тамошними фабрикантами, а наши хоть бы в ус подули, не то что сами ездить, а и комиссионера сюда не пошлют" [1]).

Как бы то ни было, русское правительство решило постепенно анексировать Маньчжурию. Но Соединенные Штаты не желали допустить этого. В упомянутой выше ноте к державам государственного секретаря Джона Гэя американское правительство, имея в виду Россию, заявило, что оно *„ни в коем случае не признает исключительных прав, предоставленных той или другой державе в какой бы то ни было части китайской империи в силу договоров, аналогичных заключенным в нынешнем году"*. Эта нота, равно как и следующая, от июля 1900 г., в которой С. Штаты заявляли о своем намерении проводить по отношению ко всем частям Срединной Империи „политику охраны ее территориальной неприкосновенности, административного единства, равных коммерческих прав для всех держав" не пришлась по вкусу царскому наместнику Алексееву и его приближенным. Как рассказывает американский писатель Мак Кормик в своей известной книге о русско-японской войне (The tragedy of Russia in Pacific Asia by Frederic Mc Cor-

---

[1]) Конечно, в завоевании Маньчжурии были заинтересованы и наши металлургические короли, создавшие план провести здесь новую рельсовую колею. О роли русской металлургии в нашей маньчжурской авантюре см. наш следующий выпуск: „Советская Россия и империалистическая Япония" (печатается).

mick. New-York, см. т. I, стр. 89), чиновники канцелярии Алексеева в беседе с американцами говорили, что „Соединенные Штаты напрасно пляшут по дудке Англии, бесстыдно защищающей японское дело, и грозились стереть окончательно всякие следы американского торгового влияния в Маньчжурии"... „Один же из генералов заявил, что Россия решила во что бы то ни стала удержать за собой Маньчжурию, сколько бы ни противились этому Япония, Англия, Америка и все остальные страны. Такова-де логика событий, логика истории, логика теории, и в данном случае весь ход вещей решил судьбу Маньчжурии, которая должна быть и будет русской".

Таким образом русско-американский конфликт все более обострялся. Россия открыто стремилась утвердить свою военную гегемонию на азиатском побережьи Тихого Океана. Этого не желала допустить Америка. В речи, произнесенной в 1903 г. в Сан-Франциско, Рузвельт торжественно провозгласил, что „*господство на Тихом Океане должно принадлежать С. Штатам. В истории человечества открывается новая эпоха, которая будет называться эпохой борьбы за Тихий Океан*".

Наконец вспыхнула русско-японская война. С. Штаты взяли под свое покровительство японских подданных в России и в течение всей войны оказывали моральную и финансовую поддержку Японии. Но в последний период маньчжурской кампании симпатии американцев с каждой новой победой японцев и новым поражением России постепенно переходили на сторону последней. С точки зрения политического равновесия на Тихом Океане американцы не желали полного оттеснения России от берегов последнего. Наоборот, они надеялись, что после войны реорганизованная Россия будет служить полезным противовесом чересчур уж сильной Японии. Известна роль Рузвельта в портсмутских мирных переговорах между Россией и Японией, и его влияние на сравнительно благоприятные для России условия договора.

Jules Hedeman, знаменитый французский корреспондент, сообщивший точный текст портсмутского трактата за день до его подписания, опубликовал впоследствии, впервые же, крайне интересные подробности о роли Рузвельта в смягчении японских условий и в благоприятном завершении портсмутских переговоров. 22 августа Рузвельт писал представителю финансовых интересов Японии в Соединенных Штатах, барону Канеко: „Япония получила больше, чем могла ожидать; она удвоила свой флот за время войны, получила Порт-Артур и Дальний, весь Ляодунский полуостров, Восточно-Китайскую железную дорогу, бо́льшую половину Сахалина, наконец, она при-

обрела уважение и вызвала изумление всего мира... Мне кажется, что Япония должна ныне же заключить мир и в своих собственных интересах и в интересах всего человечества (читай „Соединенных Штатов". М. П.), по отношению к которому Япония многим обязана". Барон Канеко телеграфировал, согласно желанию Рузвельта, это письмо в Токио, где оно произвело сильное впечатление. На следующий день, 23 августа, Рузвельт снова писал Канеко; в ясных и твердых выражениях он указал последнему на все опасности, которым подвергается Япония, если она решится продолжать войну из-за денежных расчетов. Вместе с тем президент подчеркнул тот факт, что общественное мнение Соединенных Штатов решительно становится на сторону, враждебную Японии, не желая допустить мысли о возможности войны из-за денежных соображений. Это новое письмо было также протелеграфировано в Токио, где оно только усилило впечатление, произведенное первым посланием Рузвельта Канеко. Был созван экстраординарный совет всех именитых государственных мужей, под председательством микадо, и благодаря настояниям маркиза Ито, на сторону которого стал микадо, японское правительство решило внять совету Рузвельта. Причины такой настойчивости со стороны американского правительства в защите русских интересов были объяснены впоследствии знаменитым „героем" испано-американской войны, адмиралом Девеем, который указал, *что получение громадной контрибуции, которой домогалась Япония, дало бы возможность последней создать такой флот, который сделался бы опасным для Соединенных Штатов* (*Волонтер*. Русско-японская война, причины, ход и последствия. С. П. Б. см. стр. 11, 12).

В вознаграждение за такую защиту русских интересов Николай II распорядился о том, чтобы были сняты некоторые повышенные пошлины на американские продукты. Как рассказывает *М. М. Ковалевский* в очень обстоятельной статье о Портсмутских переговорах, основанной на неопубликованных дотоле документах,—на Витте и выпала приятная обязанность довести об этом до сведения президента, каковое известие Рузвельт принял с живейшей радостью. „Президент сообщил нам,—телеграфировал Витте,—о том давлении, которое он не раз производил на японцев; Америка и Россия в его глазах—естественные друзья. Им необходимо принять все меры для ознакомления друг с другом и создания между обоими народами умственного и нравственного общения. Витте перед отъездом принят был Рузвельтом в семейном кругу и получил от президента собственноручное письмо и фотографический портрет. Выражая свою при-

знательность за намерение толковать отныне статью о „наиболее благоприятствуемой нации“ таким образом, чтобы Америка поставлена была на одну ногу с другими державами, президент просил нашего уполномоченного обратить внимание также на выдачу паспортов „уважаемым американским гражданам еврейской веры“. „Мне кажется,—прибавил он,—что если бы это было сделано, то были бы устранены последние причины раздражения между двумя народами, к поддержанию исторической дружбы которых я желал бы сделать все“. (*М. М. Ковалевский.* Портсмут. „Вестник Европы“. 1908. № 6.)

Как мы видим, ходатайство Рузвельта по еврейскому вопросу носило очень скромный характер. Президент упомянул лишь о паспортах для очень ограниченной категории американских подданных еврейской веры. Говоря об „уважаемых гражданах“, президент, очевидно, желал избегать инцидентов в роде тех, какие случались и впоследствии, как, например, с американским посланником в Константинополе Штраусом, бывшим министром промышленности в Соединенных Штатах, который пожелал (1910 г.) посетить Петербург и, встретив некоторые препятствия, подал жалобу своему правительству на действия русских властей; или немного позже, с знаменитым американским импрессарио, Оскаром Гаммерштейном, собиравшимся отправиться в Петербург для личных переговоров с артистами Императорской оперы и натолкнувшимся на решительный отказ со стороны русского консульства в Нью-Иорке визировать паспорт, выданный ему американскими властями. Но понятно, что сам по себе вопрос о паспортах для „уважаемых американских граждан“ иудейского вероисповедания мог лишь быть одним из элементов, поведших к обострению американских отношений, а отнюдь не основной причиной конфликта и разрыва русско-американского торгового договора 1832 г. согласно ноте посланника С. Штатов от 4 дек. 1911 г. нашему министерству иностранных дел. Характерно, что Рузвельт, который в связи с своей кандидатурой в президенты С. Штатов вел ожесточенную кампанию против русского правительства, говорил менее всего об „еврейском вопросе“, а главным образом о Персии, Маньчжурии, Восточном Туркестане и Монголии, которые Россия собирается де присоединить к своим областям [1]). Этого, по мнению Рузвельта, С. Штаты не должны допустить, хотя бы пришлось применить по отношению к „полу-азиатской России“ те методы внушения, какие только и понятны „азиатам“.

---

[1]) Так, например, в январьском (1911 г.) номере еженедельника „Outlook“, являвшемся, как известно, органом Рузвельта, мы находим

§ 3. От Портсмутского мира до Октябрьской революции.

2-я дипломатическая война С. Штатов за Маньчжурию.— Харбин - Хайларский инциндент. — Проект нейтрализации Маньчжурии.— Проект Цзиньджоу-Айгунской дороги. Вопрос о Маньчжурии и Дальнем Востоке в период мировой войны.

После Портсмутского мира традиционная русско-американская дружба как будто снова восстановилась. Наоборот, с каждым днем стали все более портиться японо-американские отношения. Пока у Соед. Штатов и Страны Восходящего Солнца был общий враг—Россия, японо-американская дружба покоилась на твердой почве. Американцы надеялись, что японцы будут попрежнему защитниками политики открытых дверей (open do or) в противоположность России, которая до последней войны являлась главным виновником политики „break up of China", постепенного территориального расчленения Поднебесной Империи. Вместе с тем дипломаты С. Штатов рассчитывали, что старые соперники будут и после войны продолжать борьбу за влияние на Дальнем Востоке, что Россия так скоро не откажется от идеи реванша и что это даст возможность С. Штатам укрепить свое влияние на Тихом Океане. Эти надежды, как и многие другие, не оправдались. Так американские экономисты предполагали, что японцы еще долгое время удовлетворятся скромной ролью комиссионеров по сбыту американских товаров, что они, одним словом, будут служить американскими маклерами, *компрадорами*, употребляя выражение, обычное в применении к азиатским рынкам.

Особенно острую форму *японо-американский* конфликт принял в 1907 г. во время инцидентов, связанных с анти-японской агитацией и волнениями в Калифорнии, а когда 16 дек. 1907 г. сильная американская эскадра, после смотра, произведенного ей Рузвельтом, отправилась в дальнее плавание к азиатским берегам, международная пресса стала обсуждать вопрос о неизбежности войны

пять статей о России: в первой статье говорится о политике России по отношению к *Китаю*, во второй трактуется вопрос о русско-персидских отношениях, в третьей—об англо-русской политике в *Персии*, в четвертой—о голоде в России и, наконец в пятой орган Рузвельта останавливается непосредственно на еврейском вопросе. („The Outlook" New-lork Lyman Abbot, Editor-in-chief. *Theodore Roosevelt* Contributing Editor).

между обоими государствами. И то обстоятельство, что Соединенные Штаты, не останавливаясь перед большими денежными расходами и возможными осложнениями, решили отправить всю свою эскадру за 14.000 миль от своих берегов, являлось серьезным предостережением по адресу Японии, демонстрацией, которая должна была показать последней, что у С. Штатов имеется достаточно сил, чтобы защищать свои интересы по обеим сторонам Тихого Океана.

Но, как это часто бывает в международных отношениях, именно потому, что катастрофа была близка и пресса слишком усердно трубила о неизбежности войны между обоими государствами, правительства той и другой стороны испугались возможности грозного конфликта, который имел бы роковые последствия для Японии и Америки, и решили приложить некоторые усилия к восстановлению прежней дружбы. 30 ноября 1908 г. состоялся в Вашингтоне обмен очень важными нотами между японским посланником, бароном Такахирой, и государственным секретарем С. Штатов Рутом. В этих нотах оба правительства изложили свой взгляд на политику, которую они намерены проводить по отношению к Китаю и берегам Тихого Океана, и констатировали единство целей обеих стран: сохранение statu quo на Д. Востоке, защита равных экономических прав для всех держав и т. д. К этим нотам было приложено японо-американское соглашение, изложенное в виде декларации в пяти пунктах, и говорившее о решении обоих правительств в случае каких-либо событий, угрожающих этому status quo, притти к взаимному соглашению для выработки мер, способных помешать этой опасности. (Текст этих нот и договора, опубликован in extenso в „The American Journal of International law, Jan. 1909).

Как только японо-американский конфликт потерял свою остроту, сейчас же снова стали ухудшаться американо-русские отношения. Многие американские газеты стали высказывать ту мысль, что в конце концов с Японией, как со страной, где общественное мнение имеет известное влияние на правительство, где последнее более или менее прислушивается к голосу выдающихся публицистов, экономистов, понимающих международное положение, условия нового времени, можно как-нибудь столковаться,—но что Россия попрежнему идет по пути грубой захватной политики, вечных интриг против остальных держав и является главным тормазом экономического и культурного возрождения Азии, этого важнейшего в недалеком будущем рынка мировой и прежде всего американской индустрии.

Первое столкновение между Россией и Америкой со времени Русско-Японской войны произошло в связи с *Харбин-Хайларским инцидентом* 1908 г., наделавшим в свое время много шуму в японо-китайской и всей международной прессе. Конфликт был вызван тем обстоятельством, что Правление Русско-Китайской железной дороги, опираясь на ст. 6 железнодорожной конвенции 1896 г., решило ввести русскую юрисдикцию в пределах полосы отчуждения Северо-Маньчжурской дороги (линия Харбин—Хайлар). Однако первый же приступ к введению этой реформы вызвал энергичный протест со стороны китайского правительства, сообщенный немедленно иностранным консулам в Харбине—японскому и американскому, а затем и представителям иностранных держав в Пекине. Американский консул стал на китайскую точку зрения и в свою очередь протестовал против русской юрисдикции в полосе отчуждения. Его протест был поддержан Государственным Секретарем Соединенных Штатов Рутом. Критикуя образ действий России в данном случае, американская пресса указывала, что 3-ей статьей Портсмутского мирного договора Россия и Япония обязались „возвратить в исключительное управление Китая вполне и во всем объеме все части Маньчжурии (за исключением Ляодунского полуострова), причем Российское Императорское правительство объявило, что оно не обладает в Маньчжурии земельными правами либо преференциальными или исключительными концессиями, могущими затронуть верховные права Китая или несовместимыми с принципом равноправности". С американской точки зрения русская административная реформа в Харбине и других поселениях в полосе отчуждения Восточно-Китайской железной дороги не может быть одобрена правительством С. Штатов—во-первых, потому, что она наносит ущерб правам экстерриториальности иностранцев в Китае, и, во-вторых, что она нарушает признанный портсмутским договором принцип равенства национальностей и несовместима с политикой открытых дверей.

Однако Харбин-Хайларский конфликт был скоро улажен, и все, казалось, вошло в свою колею. Ничто как будто не угрожало теперь дружеским русско-американским отношениям, как вдруг в конце декабря 1909 г. правительство Соединенных Штатов обратилось к державам с меморандумом о нейтрализации маньчжурских железных дорог. Американское предложение захватило врасплох и нашу дипломатию, и нашу прессу. Между тем заранее можно было предвидеть, что *Соединенные Штаты так легко не откажутся от защиты своих интересов в Маньчжурии, что каждый раз они с новой и новой энергией будут*

бросаться в аттаку против держав, пытающихся оторвать Маньчжурию от Срединной империи. Для расчетливых, не любящих зря тратить свои труды и деньги янки отказ от защиты своих интересов в Маньчжурии равносилен был бы признанию бессмысленности всей их предыдущей политики. Напрасно американцы поддерживали с такой энергией в течение многих лет Японию против России, напрасно старались затем отстоять русские интересы во время переговоров в Портсмуте. Россия и Япония, два врага, боровшиеся не на жизнь, а на смерть, действительно послушались дружеских советов, примирились не на шутку, но только для того, чтобы общими усилиями выбросить из Маньчжурии слишком уж ловких янки и других непрошенных гостей. Этого Соединенные Штаты не желали допустить. Грандиозный американский план торговой, а, следовательно, и политической нейтрализации Маньчжурии путем выкупа маньчжурских железных дорог международным синдикатом явился новым предостережением по адресу России и Японии. Проект торговой „нейтрализации" всей маньчжурской сети, предложенный статс-секретарем Соединенных Штатов Ноксом, сводился к тому, что все железные дороги в Маньчжурии, как существующие, так и имеющие быть построенными, признаются собственностью китайского правительства, но будут находиться под *международным* контролем, степень влияния в котором каждой державы будет определяться долей ее участия в том займе, который будет необходим Китаю для осуществления этого предприятия. Как известно, инициатором этого проекта явился сам президент Тафт, с избранием которого на пост президента естественно было ожидать, что политика Америки по отношению к Китаю примет более активный характер. Острый кризис, который в этот момент переживала американская металлургическая промышленность, особенно рельсопрокатная и вагоностроительная ее отрасли, так нуждавшиеся в каких-нибудь новых грандиозных заказах, придал этот специфический „железнодорожный" характер и своеобразную „металлическую" оболочку предложению Нокса; но сущность открывала более широкие перспективы всей американской индустрии, ибо дело здесь шло об освобождении Маньчжурии из-под русско-японского ига и окончательном открытии этой обширной области свободному притоку американских товаров и капиталов. В свою очередь проект Нокса вполне соответствовал и жизненным интересам России, представляя собой самую удобную и выгодную для нас форму ликвидации маньчжурской эпопеи, которая высосала столько соков из центральных областей государства и задержала надолго рост наших производительных сил. Ведь, до 1911 г. одна

только китайская дорога обошлась России более 400 милл. руб., не считая других расходов на территории, по которой проходит этот роковой для России путь. Нейтрализация всей маньчжурской железнодорожной сети, исключающая возможность *пользоваться дорогами для перевозки войск*, обозначала полную нейтрализацию Маньчжурии и превращение этой области в род буффера между Россией и Японией, Россией и Китаем, что должно было в конечном счете освободить Россию от лишних расходов по охране наших дальневосточных границ. Но эти заманчивые перспективы не могли соблазнить царскую дипломатию, царских „политиков". „Голос Правды" увидел в американском меморандуме оскорбление престижа России, „постыдное для России предложение... беспардонный вызов, брошенный среди обстановки полного мира" и т. д. 8 января 1910 г. наш министр иностранных дел передал послу С. Штатов в С.-Петербурге ответный меморандум русского правительства на предложение С. Штатов. В этом обстоятельном меморандуме, предназначавшемся как для американского, так и для русского общества, царское правительство, стараясь поддержать иллюзию мнимой связи маньчжурских предприятий с великими экономическими интересами царской России на Д. Востоке, указало, что постановка на очередь вопросов, выдвинутых федеральным правительством, не оправдывается положением вещей в Маньчжурии, и признало предложенный проект неприемлемым. Любопытно, что наша официозная пресса, отстаивая образ действий правительства, выдвинула то соображение, что и Япония высказалась решительно против проекта; на этом основании министерство и решилось-де на шаг, „противоречащий интересам Китая и С. Штатов, но согласный с интересами Японии". Не воспользовалась ли в данном случае Япония Россией как тараном против С. Штатов, планы которых совершенно не соответствовали японским видам на южную Маньчжурию, где правительство микадо вело себя, как в своей собственной стране. Япония, более уязвимая для американских ударов, чем Россия, могла лишь радоваться громоотводу, который она нашла для себя в русской политике в северной части Маньчжурии. Как бы то ни было, отклонение проекта Нокса вызвало в американской прессе особое негодование именно по адресу России.

Было наивно думать, что С. Штаты так легко признают себя побежденными. Скоро телеграф принес сообщение, что пекинское правительство опубликовало рескрипт, санкционирующий договор между вице-королем Маньчжурии и бывшим американским генеральным консулом в Мукдене, Уйллард Страйтом, подписавшим данный кон-

тракт в качестве представителя американского синдиката Моргана и К⁰ и других крупных банков, о финансировании и сооружении второй маньчжурской дороги Цзинь-джоу-Цицикар-Айгун, которая должна была соединить Печилийский залив с гор. Айгуном, лежащим на правом берегу Амура против Благовещенска. Синдикат, ставший во главе этого предприятия, добился уже согласия китайского правительства на немедленный приступ к осуществлению грандиозного проекта, но дело затормозилось вследствие решительных протестов японского и русского правительств, заявивших, что проведение второй маньчжурской дороги несовместимо с интересами обоих государств. Между тем ясно было, что, если вторая маньчжурская дорога, давая кратчайший выход к Желтому морю товарам западной половины Маньчжурии, могла уменьшить в сильной степени доходность южно-маньчжурской дороги и потому не соответствовала японским интересам, царская Россия, по соображениям и стратегического, и экономического свойства, могла лишь выиграть с осуществлением американского проекта. Тем не менее почему-то именно царское правительство сочло нужным с особой силой протестовать против американского плана и выступило со своим собственным проектом, предложив Китаю строить, взамен второй Маньчжурской дороги, железнодорожный путь от Калгана через Ургу к Кяхте и беря обязательство построить линию к Кяхте от забайкальской магистрали. Таким образом, американский натиск снова был отбит соединенными русско-японскими усилиями, при чем в новой „русско-японской“ комбинации Россия начала играть ту же роль, какую в эпоху Криспи играла Италия в Тройственном Союзе. Более слабая Италия вела такую вызывающую политику по отношению к Франции, что представителю более сильного государства, Бисмарку, не раз приходилось сдерживать воинственный азарт своего чересчур рьяного союзника. Мы знаем, что аналогия идет дальше, что Германия сумела заставить Италию вытаскивать для немцев каштаны из огня, что Криспи своей безумной политикой довел дело до разрыва франко-итальянского торгового договора и таможенной войны, которая привела к роковым последствиям для итальянского народного хозяйства и государственного кредита страны. *Однако новое поражение не заставило американцев отказаться от своих планов.* Через 4 месяца после крушения проекта Нокса о нейтрализации маньчжурских железных дорог президент Тафт в большой речи, произнесенной им в Питсбурге, излагая программу внешней политики С. Штатов, снова вернулся к идее, которую он развивал в своем послании от 7 ноября 1909 г.

и которая была положена в основу проекта статс-секретаря Нокса. Тафт сказал следующее: „Проект превращения Манчьжурии в государство-буффер между тремя великими странами, государство, в котором железные дороги находились бы под контролем представителей всех наций и не были бы более охраняемы войсками какой-либо из них, принадлежит к числу тех проектов, осуществление которых навсегда обеспечило бы мир на Дальнем Востоке". По вопросу о Цзинь-джоу-Айгунской дороге Тафт заявил, что этот проект соответствует американским интересам, что правительство поддерживает его и что Япония готова-де содействовать Соединенным Штатам в осуществлении его. Об отношении России к последнему и русском контр-проекте Тафт не упомянул. Таким образом ясно было, что единственным серьезным противником американских проектов относительно Маньчжурии Тафт считает Россию. Речь Тафта подчеркнула лишний раз существование антагонизма на Д. Востоке между царской Россией и С. Штатами. Тогда дальневосточный вопрос ставился уже не между Токио и Петербургом, как было до и во время русско-японской войны, а прежде всего между Петербургом и Вашингтоном.

С той поры, как была произнесена эта речь, американская пресса не переставала возвращаться к вопросу о Маньчжурии. Ряд предшествовавших дипломатических поражений не ослабил решимости С. Штатов во что бы то ни стало отстоять политику открытых дверей в Маньчжурии. Наоборот, *концепция Маньчжурии как области, высвобожденной из-под власти России и Японии, как тройного государства-буффера, в котором все железные дороги будут нейтрализованы под контролем представителей всех наций— сделалась* ныне в глазах многих американцев принципом, к осуществлению которого нужно стремиться с такой же настойчивостью и энергией, с какой С. Штаты защищали и провели в жизнь доктрину Монроэ. В глазах американцев Маньчжурия это лучшая провинция Китая, это область, которая с применением рациональных методов культуры будет в состоянии экспортировать за границу громадное количество зерновых хлебов, маиса, бобов, риса, гречихи и т. д. и покупать в обмен у С. Штатов мануфактурные товары; вместе с тем нейтрализованная Маньчжурия—это будущий барьер натиску России и Японии на Срединную империю, с возрождением которой американская буржуазия связывает столько надежд. Ведь несомненно, что превращение Китая в современное европейское государство будет иметь громадное влияние на судьбу международного капитализма и американской промышленности в особенности. Развитию капитализма будет дан могучий толчек.

благодаря открытию для индустрии гигантского рынка этой империи, где живет четверть населения земного шара. Достаточно указать, что поверхность Китая занимает 10 милл. кв. килом., что это необозримое пространство прорезано всего 11,500 кил. железнодорожного пути и что для того, чтобы осуществить план железных дорог, который ставят перед собою китайские реформисты, понадобится выстроить в первое же десятилетие до 200.000 километров железнодорожного пути. Понятно, что собственными силами Китай не осуществит этого плана даже и в 50 лет, а между тем условия международной жизни не позволяют медлить и стоять на одном месте. Сколько тысяч тонн рельс, сколько вагонов, паровозов вынуждены будут выписать китайцы из Соединенных Штатов, какой могучий толчек будет сразу дан непрестанно растущей железной индустрии, задыхающейся уже в тесных рамках американского континента. Какие выгодные концессии получат, в числе других, янки на проведение телефона, телеграфных линий, сооружение электрических трамваев, шоссейных путей и т. д. в безграничной китайской империи? Если даже небольшая Турция успела дать со времени свержения Абдул-Гамида значительные заказы европейской индустрии, что даст Америке громадная Срединная империя? Сколько пушек потребуется Китаю для его формирующейся армии, сколько миноносок, крейсеров для его флота? Одним словом, для американской индустрии сразу откроется такой обширный район, какой она не имела до сих пор. Правда, когда в более или менее отдаленном будущем весь Китай, от своих приморских провинций до границ Тибета и Монголии, превратится с помощью же европейских миллионов и американских миллиардов в капиталистическую страну, когда во многих китайских городах возникнут, как это мы видим уже теперь в Ханьяне, Шанхае, Фучоу, великие центры металлургической, текстильной, пушечной и т. д. индустрии, когда желтая империя, уже теперь отправляющая из своих знаменитых сталелитейных заводов в Ханьяне свою сталь в Америку и Японию, выступит во всеоружии на международном рынке и начнет заполнять Лондон, Берлин, Петербург, Нью-Йорк китайской дешевкой, тогда, наконец, современный строй, рождающий своих врагов из своего собственного нутра, дрогнет от основания до вершины,—тогда пробьет последний час капиталистического производства и в Америке, если задолго до этого американский пролетариат собственными усилиями не взорвет на воздух все здание капитализма в своей стране. Но так далеко буржуазия С. Штатов не заглядывает. Для нее основная задача американской внешней политики данного момента заключается в охране независи-

мости и территориальной неприкосновенности Поднебесной Империи, в содействии превращению последней в европеизованное государство, с громадной линией железных дорог, с могучей армией, сильным флотом и т. д. Удастся ли С. Штатам так скоро добиться неприкосновенности китайской территории и нейтрализации Маньчжурии—это будет в немалой степени зависеть от результатов того национально-революционного движения, ареной которого является ныне Поднебесная Империя. Многие выдающиеся деятели С. Штатов с полным сочувствием относились к китайскому революционному движению, поддерживали самые тесные связи с вождями последнего. Подобно тому, как англичане когда-то для борьбы с русским влиянием в северных областях Персии, для противодействия наступательному движению России в Средней Азии, заключили как бы тайный союз с персидским освободительным движением, С. Штаты уже несколько лет находятся в тайном союзе с китайской революцией. Вообще американское правительство пользуется всяким удобным случаем, чтобы подчеркнуть свои дружеские чувства по отношению к Китаю и выделить С. Штаты в глазах китайцев из разряда других государств, стремящихся лишь к расчленению Срединной империи. Так, сейчас после боксерского восстания С. Штаты, в противоположность всем другим государствам, отказались от денежной суммы, которую Китай обязан был уплатить в возмещение за понесенные американцами убытки. Этот жест не мало содействовал подъему американского престижа в Китае. Помощь, оказанная С. Штатами Китаю во время голода 1911 г., свирепствовавшего в долине Янгтзе, еще более усилили симпатии китайцев к Америке.

Во время мировой войны вопрос о Маньчжурии и Дальнем Востоке отошел на второй план. С. Штаты боролись совместно с Россией и Японией против общего врага—германского империализма, и все усилия С. Штатов были обращены на борьбу с Германией, победы которой над русскими и англо-французскими войсками и громадные территориальные захваты которой (оккупация Бельгии, северной части Франции, Польши, Прибалтийского Края, занятие Сербии) грозили полным нарушением мирового равновесия и превращением страны Вильгельма в такую мощную империалистическую державу, которая сделалась бы крайне опасной для С. Штатов. Поэтому последним в этот период пришлось отложить на другое время заботы о судьбе Маньчжурии и Дальнего Востока. Япония прекрасно воспользовалась этим добрым случаем, и не стесняемая в своих захватных планах, ни Царской Россией, занятой по горло делами на Западной границе, ни С. Шта-

тами, занятыми в такой же мере европейскими делами, утвердила свою гегемонию и в Маньчжурии, и в значительной части Китая, и во многих областях Восточной Сибири. Тем с большей силой должен был по окончании мировой войны разгореться японско-американский конфликт и обнаружиться все противоречие интересов обеих империалистических держав на Тихом Океане. Вряд ли Японии еще долго удастся отстаивать позиции в Маньчжурии против неизбежных в будущем новых американских аттак [1]).

[1]) О заинтересованности С. Штатов в Маньчжурии см. наш следующій выпуск: „Советская Россия и империалистическая Япония“ (печатается). О Маньчжурии вообще см. капитальный труд: „Северная Маньчжурия и Китайская восточная железиая дорога“. 692 стр. Харбин 1922.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Советская Россия и Америка.

I. Россия и Америка в период от Октябрьской революции до Вашингтонской конференции.

§ 1. Зигзаги американской политики в период интервенции. Отношение рабочего класса и буржуазной интеллигенции к интервенции.

Из трех главнейших врагов, боровшихся с нами в период вооруженной интервенции, наименее опасным и наименее упрямым и последовательным в войне против нас была Трансатлантическая Республика.

Занимая враждебную по отношению к Советской России позицию, поддерживая финансами, оружием и военной помощью в форме американского экспедиционного отряда в Архангельске контр-революцию на севере и правительство ренегата Чайковского, бывшего революционера, продавшегося международному капиталу, участвуя во всякого рода кознях против Советской России и в помощи ее врагам: снабжение Врангеля и шляхетской Польши обмундированием для войск, военными материалами и т. д. [1]), поддерживая,—правда, очень вяло,—правительство Колчака [2]), Соединенные Штаты все же не раз обнаруживали тенденцию смягчить политику по отношению к России и первые подняли вопрос о прекращении блокады последней.

После разгрома армии Юденича и неудавшейся попытки овладения Петроградом войсками Антанты, буржу-

---

[1]) По сообщениям английской газеты «Дейли Ньюс», Америка передала шляхетск. Польше, в момент войны последней с Советской Россией, часть американских военных материалов из оставшихся во Франции на сумму в 200 милл. долларов. Далее, при занятии нашими войсками Крыма, здесь были найдены такие громадн. запасы американского обмундирования, что вся наша армия оделась по американски.

[2]) См. «Правительство Колчака и Соединен. Штаты» в Вестнике Наркоминдела 15 декабря 1920 г. стр. 53—67.

азная пресса страны долларов, заговорила о готовности Америки по „гуманитарным соображениям" снабдить продовольствием Петроград. Не раз видные представители американского министерства внешней торговли, а также иностранных дел, подавали меморандумы президенту Вильсону о необходимости снятия блокады и указывали, что нельзя дольше оставлять без внимания требования американских экспортеров о допущении их на русский рынок.

Многие органы американской буржуазной прессы, даже в малой степени не обнаруживали той дикой ненависти к советскому строю и большевизму, какой пропитаны были в период интервенции каждая строка буржуазных газет во Франции и Англии. Это отношение американской прессы к большевизму даже не раз вызывало возмущение на столбцах нашей черносотенной заграничной прессы. Так один из врагов Советской России, со скрежетом зубовным глядящий на ее успехи, некий Петр Нестеров, описывает в фельетоне, помещенном в Бурцевской еженедельной газете „Общее дело" (La Cause Commune) от 10 января 1920 г. свои впечатления от пребывания в Америке и приходит к крайне неутешительному для черносотенцев выводу, а именно, что американское общественное мнение совершенно не понимает всей опасности большевизма. Как утверждает с болью в душе сотрудник Бурцева, две трети населения Америки, состоящего из заокеанских эмигрантов, выходцев из Германии, романских стран, славянских областей Австрии, Ирландии, далее, русских евреев, рассматривают борьбу с большевизмом, которого они не понимают, как борьбу реакции с демократией. Что касается коренных американцев, вплоть до буржуазии, вот что пишет об отношении последней к большевикам тот же сотрудник Бурцева: „Кроме старания завязать коммерческие сношения с большевистской Россией многие американцы занимаются усиленной пропагандой в пользу „новой формы демократии". Чтобы убедиться в этом, достаточно, например, просмотреть журналы „Эмон" и „Ньюс" и др. В таком же тоне писали в своих донесениях о настроении американских рабочих и определенной части американской буржуазной интеллигенции представители Колчака в С. Штатах. Так генеральный консул Омского правительства писал 15 июня 1919 года: „Сплошь и рядом бастующие рабочие не ограничиваются профессиональными интересами и настаивают перед правительством на принятии тех или других мер, в пользу главным образом Советской России. Рабочие по изготовлению сигар и те, покончив быстро со своими прямыми делами, перешли затем к русским делам и постановили просить американское правительство принять меры: 1) к

скорейшему снятию блокады с Советской России, 2) к отозванию из России всех войск. Те же рабочие высказались самым решительным образом против кооперации американского правительства с какими либо реакционными группами в России, в роде группы Колчака или Деникина, так как предводители подобных групп являются главарями дисциплинированного монархического движения. Американское правительство не должно предпринимать ничего такого, что может помешать русскому народу в определении своей участи в соответствии с его собственными экономическими и политическими идеалами.

Консул Омского правительства в Питсбурге в донесении от 14 июня 1919 года обращает внимание на рост большевизма среди американских рабочих, принимающий „формидабельный" характер. Большевистское движение, доносит консул правительству Колчака, имеет успех не только в рабочих классах. Среди лиц интеллигентных классов масса сочувствующих большевизму. Это так называемые салонные большевики. В одном из номеров „Нью-Иорк Таймс" была помещена весьма знаменательная передовая статья. В ней указывается, что в Америке издается три лучших литературных журнала и все они, по словам газеты, открыто большевистского направления. А кто читает эти издания, спрашивает автор статьи и отвечает: „главным образом люди образованные: профессора, учителя, адвокаты, инженеры, доктора. Часть интеллигенции в Америке думает, что при американской культуре большевизм пройдет здесь гладко, ограничившись передачей власти в руки рабочих и затем национализацией всех богатств и капиталов".

Именно этим настроением значительной части американской интеллигенции и особенно широких кругов рабочего класса, представитель Омского правительства в С. Штатах объяснил крайне нерешительный характер политики американского правительства в борьбе с Советской властью и отказ Америки оказать финансовую поддержку Колчаку.

В общем, в период интервенции отношение многих буржуазных американских газет к страшным опасностям, которыми, как доказывала вся европейская пресса, грозит большевизм цивилизованному миру, могло быть формулировано известной фразой Толстого по поводу драмы Андреева:—„Он пугает, а мне не страшно". Как писала одна американская газета: „Русские большевики слишком заняты борьбой со своими непосредственными соседями в Европе, чтобы еще думать об угрозе Соед. Штатам. Американскому государственному строю русский большевизм не опасен".

Более того, многие американцы не особенно доверяли сообщениям европейской прессы об ужасах, царящих в России, о тысячах трупов людей и лошадей, валяющихся на улицах России и т. д. Как выразился Вандерлип в одном интервью, опубликованном в Скандинавской прессе, „европейская печать распространяет всякие небылицы о невероятном хаосе, царящем в Советской России, о непрерывных беспорядках в Москве, которая в действительности является самым спокойным городом в Европе, только для того, чтобы помешать установлению торговых сношений между Россией и Америкой".

Отношение значительной части американской буржуазии к России объясняется не в малой мере провинциализмом С. Штатов, как страны, которая до последней мировой войны жила более или менее самостоятельно, независимой жизнью, не имея той глубокой неразрывной связи с великими и малыми странами старого света, какая существует между государствами последнего. Интересы С. Штатов далеко не в такой степени переплетались с внутренним положением в России, Австрии, на Балканах, в Турции, в Персии и т. д., в какой это можно сказать относительно Англии и Франции. Как подчеркнул тов. Чичерин в своем докладе на заседании ВЦИК 17 июня 1920 г.: „Американская дипломатия страдает каким то провинциализмом, недостаточным познанием мировых отношений. Америка стушевывается. Она не хочет играть роль среди Европейских государств". (Вестник Народного Комиссариата Иностранных Дел 1920 г. № 4—5).

Все же „провинциализм" этот, на который указывает тов. Чичерин, не мешал, может быть, не многим, но все-же очень видным представителям Американского капиталистического мира, как например Гуверу, который был одно время кандидатом в президенты С. Штатов, далее сенатору Мак-Кормику, владельцу крупных заводов, изготовляющих земледельческие орудия, и т. д. выступать уже давно против блокады Советской России и за возобновление экономических сношений с последней. Конечно, пока была надежда в первый период наступления капиталистических держав против Советской России выкроить себе „зону влияний" в России и утвердиться прочно на севере России, сторонников мирного сближения с Россией было очень мало. Но после того, как наша Красная армия заставила американский экспедиционный корпус уйти из Архангельска, число сторонников мирного сближения с Россией увеличилось. Целый ряд причин экономического характера толкал определенную часть американских капиталистов к мирной политике по отношению к Советской России.

§ 2. Мировая война и промышленный кризис в С. Штатах. Вопрос о Камчатке и Сахалине. Концессия Вандерлипа и вопрос о нефти.

С. Штаты являются страной наименее пострадавшей в результате мировой войны, как в финансовом отношении, так и в промышленном.

Неприятельские войска не высаживались на американской территории и не произвели здесь тех страшных опустошений, от которых пострадали Бельгия и весь север Франции.

Германские цеппелины не разрушили ни одного здания, ни одной железнодорожной станции, как они это сделали в Англии. Германские подводные лодки не причинили американскому торговому флоту и одной десятой доли того ущерба, какой нанесли они коммерческому флоту Великобритании. Американский торговый флот не не только не уменьшился, а наоборот, в необычайной степени возрос за время войны, увеличившись по тоннажу в 6 раз (более чем на 10.000.000 тонн), в то время, как английский уменьшился благодаря подводной войне на 800.000 тонн.

В Америке, с ее стомиллионным населением, потерявшим за время войны приблизительно 150.000 человек ранеными, убитыми и пропавшими без вести, совершенно не чувствуется того недостатка рабочей силы, как он остро ощущается в Англии и особенно во Франции, потерявшей миллионы и миллионы людей убитыми, ранеными и искалеченными на всю жизнь. Франции с ее малочисленным населением, притом лишившейся миллионов здоровых мужчин, приходится теперь импортировать в метрополию сотни тысяч рабочих рук и оставлять у себя русских и немецких военнопленных, чтобы удовлетворить хотя бы в малой мере спрос ее промышленности и сельского хозяйства на рабочие руки.

В результате мировой войны 1914—1918 г. капиталистическое здание С. Штатов хотя и получило несколько очень серьезных ударов, но в общем вышло из мировой разрухи менее потрясенным, чем это случилось с Англией, а особенно с Францией, Германией и др. капиталистическими державами. С одной стороны в С. Штатах накопились громадные излишки товаров, ищущих сбыта; с другой тысячи фабрик, возникших во время войны, занимавшихся изготовлением снарядов, пушек, пулеметов, танков, проволочных заграждений, аэропланов на миллиарды и миллиарды долларов, вынуждены были или закрыться или

перейти к производству предметов мирной промышленности, земледельческих орудий, швейных машин и т. д. О накоплении запасов сырья свидетельствует тот факт, что в 1919 г. правительство Соединенных Штатов вынуждено было объявить свободный вывоз хлопка заграницу под давлением требований коммерческих кругов Америки, хотя запрещение этого вывоза рассматривалось как средство убить хлопчатобумажную промышленность Англии и других государств и монополизировать эту промышленность в руках С. Штатов. Об избытке товаров, накопившихся в Америке, свидетельствует хотя бы „великодушие“ янки, подаривших Франции тысячи вагонов, сотни паровозов, тысячи пудов рельсов, проложенных для американских войск во Франции,—наконец громаднейшее количество автомобилей. Вот что пишет С. Б. в Вестнике Народного Комиссариата Иностранных Дел от 25 Августа 1920 г. о чрезмерном множестве автомобилей: «*Автомобиль стал народным бедствием Америки*». По данным статистики, сейчас в С. Штатах имеется 7.800.000 автомобилей, что составляет по одному на каждые 13 душ населения. Это в десять раз более того, что имеет Англия, где автомобиль приходится на 130 душ. Надо еще прибавить, что довольно многочисленное негритянское население куда меньше пользуется моторами, чем белое. В богатом сельскохозяйственном штате Айове, где нет крупных городских центров приходится по автомобилю на каждое семейство. К концу текущего года число автомобилей в С. Штатах должно дойти до 9 миллионов.

Чудовищно запружены моторами не только такие города, как Нью-Иорк, но и города Среднего Запада в роде Детройта, Миннеаполиса или Демуана. Здесь в иные моменты кажется, что автомобилей больше, чем людей. *Огромные гаражи и дворы заняты новыми машинами.* Целые пустыри установлены подержанными автомобилями. За 50—60 фунтов стерлингов (500—600 рублей золотом) можно купить недурную подержанную машину.

Америка не знает, куда ей сбыть свои новые автомобили; неудивительно, что она оставляет в подарок Франции свои старые подержанные моторы. Отсюда вытекает стремление С. Штатов расширить рынки сбыта для своей промышленности. Гималаи товаров будут рости в С. Штатах все выше и выше, безработица будет обостряться, промышленный кризис разразится в самое ближайшее время, если не будут найдены новые клапаны для американской индустрии. Между тем покупательная сила прежних главнейших клиентов С. Штатов, как то: Франции, Германии, Италии—сильно понизилась в результате мировой войны и общей разрухи. При таких условиях русский

рынок приобретает особенное значение для Америки. Правда, в период, предшествовавший мировой войне, русский рынок не представлял особенного значения для С. Штатов. Американский экспорт в Россию в 1913 году выражался в сумме 76.000.000 рублей, тогда как германский экспорт в Россию равнялся 650.000.000 рублей, т. е. более чем в 8 раз превышал первый. Однако американские промышленники имеют все основания рассчитывать, что с неизбежным ослаблением немецкой и английской конкуренции в России, открывается большой простор для С. Штатов. С другой стороны очевидно, что Новая Россия с ее гигантскими планами строительства, с ее громадным населением и обширными территориями предъявит такой спрос на американские товары, с каким не может идти в сравнение спрос на те же товары в дооктябрьскую эпоху; вот почему все выводы о нашем будущем товарообмене с Америкой, основанные на скромных статистических данных о размерах этого товарообмена в годы, предшествовавшие 1917 году, не выдерживают критики. Наша незначительная торговля с Америкой в прошлом нисколько не свидетельствует о том, будто и в будущем наш товарообмен с С. Штатами не выйдет за скромные пределы, наоборот все данные говорят о том, что наши торговые сношения с С. Штатами могут достигнуть очень внушительных размеров. Практичные американские промышленники и коммерсанты учитывают эту возможность и потому не прочь уже давно завязать сношения с Советской Россией: американская индустрия нуждается в нашей пушнине, льне, щетине и многих минеральных богатствах.

Америку очень прельщает русская платина (наша добыча платины составляет почти 90% мировой добычи) и золото. Американцы снаряжали целые экспедиции для производства разведок и обследования наших подпочвенных богатств. Одна из таких экспедиций, снаряженных летом 1917 г. американцами, обстоятельно исследовала отроги Северного Урала в верхнем бассейне р. Печоры.

Разведкой были обнаружены громадные залежи платины, золота и вольфрама. Сама р. Печора оказалась богатой медью, причем недалеко от Усть-Цильмы залежи медной руды обнаруживаются в саженях 5—7 под поверхностью земли. На водоразделе Печоры и Вычегры имеются залежи железа, кроме того вообще в бассейне Печоры есть соль, сера в виде серного колчедана и точильный камень.

В том же северном Урале по системам рек Лозьвы, Тошелеки и Ивдели в феврале 1917 г. были открыты богатейшие залежи платины и золота, как рассыпного, так и

рудного, а в Нижне-Постской даче обнаружены богатейшие залежи корунда.

Крайне интересует американцев и эксплоатация лесных богатств России. Американский журнал „Ворд. Ньюс" (Новый мир) доказывает, что развитие лесопильного дела в России явится величайшим полем деятельности для американской промышленности [1]).

Помимо непосредственно торговых сношений с Россией, американцев интересует получение концессий для эксплоатации наших подпочвенных богатств. Несомненно, что в этом отношении для американской предприимчивости может открыться самое широкое поле деятельности в России.

Те выгоды, которые американские торгово-промышленные классы, могли бы извлечь из установления экономических сношений с Россией, слишком очевидны для многих представителей американской буржуазии.

Вот почему в моменты самого острого враждебного отношения американского правительства к Советской России, многие видные представители американской буржуазии высказывались против блокады России и за возобновление экономических сношений с последней.

Характерно, что в тот день (2 декабря 1920 г.), когда появилось сообщение о высылке из пределов Америки советского представителя т. Мартенса по обвинению его в враждебных действиях по отношению к американскому правительству, высылке в силу закона об эмиграции, как иностранец, „принадлежащий к организации, исповедующей и проповедующей низвержение силой и насилием правительства С. Штатов", американский статс-секретарь Казначейства объявил об отмене всех ограничений, касающихся торговли с Россией, начиная с 18 декабря 1920 г. впредь до особого распоряжения.

Среди факторов хозяйственного порядка, играющих немалую роль в американской политике по отношению к России, важнейшее место занимает вопрос о нефти, жидком угле. Вся Мексиканская авантюра С. Штатов, желание американского капитала овладеть Мексикой, этой богатой нефтеносными источниками страной, обуславливается стремлением американского нефтяного треста Стандарт Ойль Компании (Standart Oil C⁰), конкурирующего с английским нефтяным трестом Рояль Дейч (Rojal Dutch), захватившим монополию на нефть в свои руки. Следует прибавить, что как ни богата Америка нефтеносными источниками, все же и здесь мировой нефтяной кризис дает себя сильно чув-

---

[1]) Подробно об этом см. нашу работу «Брестский мир и условия экономического возрождения России» стр. 28—30. Москва 1918 г.

ствовать. Так в ноябре 1921 г., по сведениям из Нью-Иорка, лорд Пирри высказал мнение, что положение с жидким углем на мировом рынке надо признать критическим. Запасы С. Штатов недостаточны и, возможно, что правительство С. Штатов будет принуждено ввести ограничения для потребления нефти в коммерческом флоте, как только окажется возможным заменить жидкий уголь другими видами топлива.

Неудивительно, что американские капиталисты относятся недружелюбно к поползновениям Японии окончательно захватить в свои руки южную половину Сахалина, где сосредоточены колоссальные запасы нефти.

Главным образом интерес к Камчатке со стороны американских капиталистов обуславливается стремлением С. Штатов захватить в свои руки нефтяные источники этой части России. Пресловутая концессия Вандерлипа, о которой „Дейли Хроникль“ писала как о „величайшем контракте в мировой истории“, привлекла к себе такое внимание в Америке и Англии именно потому, что эксплоатация Камчатки могла бы в необычайной степени усилить гегемонию С. Штатов на мировом нефтяном рынке.

Вопрос о нефти послужил причиной известной ноты американского правительства от 27 ноября 1920 г. английскому правительству. Нота эта была адресована Англии в связи с англо-французским соглашением по поводу *Месопотамской нефти.* Американское правительство потребовало „равенства и одинаковых прав торговли и промышленности на всех территориях, подпавших под власть держав благодаря войне. С. Штаты, содействовавшие победе, не могут позволить игнорировать себя в вопросах, вытекающих из войны“.

В этой ноте, написанной в энергичном тоне, американское правительство заявило, что все государства, принимавшие участие в войне и содействовавшие победе союзников, имеют одинаковые права на эксплоатацию народных богатств тех стран, которые находятся под контролем союзников. Американский министр иностранных дел Кольби заявил, что англо-французское соглашение о Месопотамской нефти, соглашение, по которому обе эти страны поделили исключительно между собою нефтяные источники Месопотамии, противоречит интересам Америки и в частности прежнему заявлению Англии о том, что свобода разработки нефтяных богатств Месопотамии будет гарантирована в будущем арабском государстве.

„Эгоистическая“ политика Англии в нефтяном вопросе заставляет американскую буржуазию с особой тревогой следить за проникновением английского влияния в Советскую Россию.

Заметим, что та полемика, которая завязалась в 1921 г. в американской и японской прессе в связи с газетными сообщениями о Вандерлиповской концессии, уже сама по себе могла служить доказательством тех неприязненных отношений, которые существуют между Японей и Америкой. Издающаяся в Пекине газета „Пекинс-Таймс" (Пекинское время) доказывала, что эта концессия будет иметь громадное политическое значение, главным образом в виду того влияния, какое она должна иметь на взаимоотношения Японии и Америки. Изложив фактическую сторону этого вопроса и определив границы и размеры этой концессии, газета писала, что сам по себе факт предоставления этой концессии Вандерлипу вызывает де очень мало сомнений. Автор ссылался на заявление группы Калифорнийских финансистов, заявивших о своем участии в этой сделке.

Указывая дальше, какую бурю негодования вызвало сообщение об этой концессии, автор говорит: „Мы не знаем, насколько заявление Японского министерства иностранных дел о том, что эта концессия находится в противоречии с русско-японским рыболовным соглашением, соответствует действительности, но можно почти с уверенностью сказать, что другая часть заявления Японского правительства о том, что *эта концессия недопустима с точки зрения географических и других интересов Японии*", навряд ли будет принята во внимание американским правительством.

Автор приводит отзывы по этому вопросу японской прессы, которые по его мнению отражают настроение правящих групп Японии. Газета „Кокумин", например, утверждала, что республиканское правительство Америки наверное выработает другую политику по отношению к России и что *Вандерлиповская концессия нанесет смертельный удар Японской Империи, так как Япония имеет огромные рыболовные участки на Камчатке, и подчеркивала, что Япония ценой сотен миллионов иен и тысячами жизней заплатила за охрану угольных, нефтяных и других богатств Восточной Сибири.* „Кокумин", предлагает немедленно послать войска в Камчатку для защиты японских интересов против агрессивных намерений „иностранцев". Газета „Кокумин" особенно подчеркивала опасность того, что с Вандерлиповской концессией связана группа Калифорнийских финансистов, среди которых антияпонское настроение сильнее всего. Другая японская газета „Иомурин" восхищалась предприимчивостью ловких янки, громила косность и бездеятельность японских финансистов и власти и указывала на всю ту опасность, которая возникнет для Японии, когда Америка укрепится на азиатском материке и создаст здесь могущественную базу про-

тив Японии. Газета „Пекинское время“ доказывала наоборот, что все эти японские страхи ровно ни на чем не основаны. Группа лиц, составляющая Вандерлиповскую организацию, преследует исключительно лишь меркантильные цели. С другой стороны, в самой Японии *эта концессия, по мнению газеты, не замедлит создать серьезные сомнения насчет благоразумия той захватной политики, какую японское правительство до сего времени преследовало в Сибири* (см. Бюллетень Комиссариата Иностранных Дел 23 февраля 1921 г. № 66 стр. 34—35).

Вандерлиповская концессия вызвала сильную тревогу в империалистических кругах Японии. Дело не только в том, что Камчатка представляет собой громадную территорию, протяжением в 237.000 квадратных верст, т. е. в 8 раз больше Московской губернии, территорию изобилующую золотом, нефтью, драгоценными мехами, лесными ископаемыми богатствами, а также рыбными ловлями, имеющими огромное значение для Японии. Японская пресса доказывает, что С. Штаты интересуются Камчаткой не столько как объектом экономической эксплоатации, сколько как чисто военной базой против Японии.

Камчатка господствует над Сахалином и является ключом к господству над всем побережьем Охотского моря.

Японские империалисты вели самую наглую захватную политику по отношению к нашим дальне-восточным окраинам. Агрессивные планы Японии угрожали самому существованию Дальне-Восточной Республики. И то противодействие, которое Япония встретила в своей захватной политике на Дальнем Востоке со стороны С. Штатов при усилении влияния последней на азиатском побережье Тихого Океана, облегчило положение Дальне-Восточной Республики. Поэтому, каково бы ни было наше отношение к американской буржуазии и империалистским планам С. Штатов, при данных условиях, когда Япония, захватив громадные территории в Восточной Сибири, обессилив наш Тихоокеанский флот и крепостные укрепления Владивостока и Николаевска, оказывая самую деятельную поддержку нашим контр-революционным элементам в этих областях, укрепляется, чтобы затем перейти к дальнейшим захватам, мы можем только сочувствовать некоторому усилению американского влияния на Камчатке и всем побережьи Охотского моря. В этих областях Япония и Америка между собой не столкуются. Если Франция и Англия не могли придти к соглашению из-за раздела Малой Азии и в конце концов Франция, подобно Италии, стала оказывать содействие Кемалю, тем более немыслимо соглашение и полюбовное размежевание „сфер влияния“ между

Америкой и Японией на Дальнем Востоке. Вся история японо-американских осложнений из-за Маньчжурии и друг. областей Дальнего Востока доказывает это.

С другой стороны, соглашение Р. С. Ф. С. Р. по вопросу о концессиях на Камчатке дало бы несомненно громадные выгоды американской промышленности. Мы уже указывали выше, какую остроту для всей мировой промышленности приобрел вопрос о нефти. Этот нефтяной кризис дает себя чувствовать и в Америке. Вопрос о нефти является в настоящее время одной из труднейших проблем капиталистического хозяйства. Несмотря на то, что Америка является богатейшей страной по добыванию нефти, ей не хватает жидкого угля. По вычислениям американских статистиков потребность в нефти американской промышленности с ее колоссальной морской судостроительной программой определена в 565 миллионов бочек. Между тем американское производство нефти равняется всего 365.000.000 бочек. Таким образом не хватает 120 миллионов бочек. Несомненно, что при гигантском росте американской промышленности и переходе топки судов с угля на нефть, этот дефицит будет все более и более возрастать.

С. Штаты вынуждены искать новых источников нефти. Неудивительно, что американские капиталисты устремляют свои взоры на Месопотамию, где уже хозяйничает английский империализм, в особенности на русскую половину Сахалина, где сосредоточены колоссальные запасы нефти, и на Камчатку. Один этот фактор уже сам по себе должен был бы давно толкнуть С. Штаты к сближению с Советской Россией. Однако этому сближению помимо опасения, что в результате признания Советской России больше всего выиграет Англия, до сих пор успешно противодействуют некоторые влиятельные элементы той правящей клики, которая дает направление всей внешней и внутренней политике С. Штатов.

В капиталистической стране нет государства, где судьбой страны руководили бы исключительно фабриканты и заводчики, заинтересованные в железнодорожных, нефтяных и других концессиях и потому готовые сегодня воевать до конца, а завтра вступать в соглашение с тем или другим государством, когда этого требуют интересы момента. Наряду с промышленным капиталом действует капитал аграрный, интересы которого не всегда совпадают с первым. Политика промышленного капитала отличается большей гибкостью, чем политика капитала аграрного. С. Штаты принадлежат к числу тех стран, где у власти стоят две партии, партия республиканская и партия „демократическая“. Одна из этих партий является представитель-

ницей промышленного капитала, другая— аграрных интересов, интересов крупных фермеров и поставщиков сельско-хозяйственных продуктов на мировой рынок.

§ 3. Республиканская партия и советская Россия. Промышленный кризис. Приготовления Америки к будущей войне.

Из двух главных американских политических партий, представляющих интересы господствующих классов и борющихся за власть в С. Штатах, республиканской и демократической, первая стоит за соглашение с Россией, вторая, наоборот, резко враждебна Советской России.

Республиканская партия является представительницей интересов индустриального капитала и многочисленных банков, связанных с угольными копями, фабриками и заводами, производящими земледельческие машины, паровозы, автомобили, рельсы, обувь, одежду и т. д. В настоящее время все эти отрасли промышленности переживают сильнейший кризис, выражающийся в отсутствии спроса, промышленной панике и систематическом сокращении производства. Этот промышленный кризис является причиной безработицы, которая принимает в Америке катастрофический характер. Так по статистике, безработных в Америке к 1-му января 1920 г. было зарегистрировано:

Среди строительных рабочих	. . . . .	300 тыс.
„ текстильных „	. . . . .	225 „
На локомотивных фабриках	. . . . .	250 „
В портновском производстве	. . . . .	150 „
В сталелетейном производстве	. . . . .	150 „
Среди железнодорожников	. . . . .	200 „
„ моряков	. . . . .	125 „
„ пищевиков	. . . . .	100 „
„ шахтеров	. . . . .	50 „
„ печатников	. . . . .	50 „

В общем в Америке насчитывалось более 2.500.000 безработных в январе 1921 г.[1]). Число безработных растет с необычайной быстротой. Число безработных на 15 авг. 1921 г. по официальным данным равнялось 6.735.000. По данным Американского Отдела Труда их было в сентябре 1921 г. более 6.000.000.

---

[1]) Вашингтонский корреспондент „Морнинг Пост“ от 21 января сообщает, что в одном только штате Нью-Йорк на 1-ое янв. 1921 г. числилось 654.043 безработных.

Неудивительно, что при таком остром кризисе, вызываемом сокращением спроса на предметы американской промышленности, не только миллионы рабочих даже далеких от сочувствия идеям советской власти, но и сотни капиталстов, в том числе многие видные члены конгресса и сенаторы и т. д., требуют восстановления торговых сношений с страной, представляющей собой гигантский 170 миллионный рынок.

Несмотря на то, что торговый договор между Россией и Америкой еще не подписан, Америка все же ввезла *в первые месяцы 1921 года в Россию больше товаров, чем все остальные страны вместе взятые.* В то время, как с начала текущего года Англия экспортировала в Россию товаров всего на сумму 121.047 пудов (сукна, шерстяную ткань, костюмы), Швеция 130.016 пудов (масла машинного, кос, бумаги, металлических изделий), Германия—217.241 п. (машинного масла, бертолетовой соли, дубильных веществ, земледельческих орудий, электрических лампочек), *С. Штаты ввезли к нам товаров* 1.776.000 *пудов* (уголь, мыло, земледельческие орудия и проч. груз).

Помимо желания использовать гигантский русский рынок, соображения международной политики толкают определенную часть американской буржуазии к сближению с Россией. Несомненно, что С. Штаты намерены вести сепаратную, но очень актуальную мировую политику, противоречащую интересам других империалистических держав. С. Штаты находятся в настоящее время в том положении, в каком когда то находилась Англия, именно в положении, „блестящей изоляции“. Это положение пугает многих представителей американской буржуазии. Критикуя меру, принятую Вильсоном по отношению к представителю России Мартенсу, влиятельная буржуазная газета „Нью-Иорк Америка“ писала: „Изгнание Мартенса отнюдь не является проявлением патриотизма наших правящих кругов, а лишь непростительной ошибкой... *Америка в настоящее время изолирована и единственными друзьями ее могут быть лишь Россия и Китай*, поэтому необходимо направить нашу внешнюю политику так, чтобы можно было завязать прочную дружбу с Россией и Китаем“. Многие другие буржуазные газеты резко критиковали меру, принятую по отношению к Мартенсу.

Мы уже имели случай на страницах „Правды“ и в нашей работе „Вопросы колониальной и национальной политики и III Интернационал“ (см. § 3. Англия и Америка в борьбе за мировую гегемонию) писать об англо-американском конфликте. Еще более острый характер принимает с каждым днем конфликт американо-японский.

Лихорадочные военные приготовления Америки, концентрация громадного американского флота на Тихом Океане, грандиозная судостроительная программа морского министерства, согласно которой военный флот С. Штатов, имевший накануне Вашингтонской конференции водоизмещение в 300.000 тонн[1]) должен был иметь в 1925 г. водоизмещение в 1.600.000 тонн, т. е. усилиться более чем в пять раз, далее разработанный морским министерством проект грандиозных строительных работ на Тихоокеанском побережьи, на Филиппинах и Гавайских островах для создания здесь сильнейших военных баз, колоссальные расходы на усиление сухопутной армии, ответные вооружения Японии, 60% государственных доходов которой шли исключительно на военные нужды и правительство которой разрабатывало план военной мобилизации японской промышленности, по образцу, указанному Людендорфом, открытые заявления многих органов американской и японской прессы о неизбежности войны между обеими сторонами,—все это свидетельствует о крайней серьезности положения в Тихом Океане. „Война неизбежна“, говорит японский журналист Фузе—„эта война будет на Востоке“. О неизбежности войны на Тихом Океане, войны между Японией и Америкой писали накануне Вашингтонской конференции многие американские и английские газеты.

Расходы на содержание американской армии в 1921 г. были определены в 326 миллионов долларов. Конгресс установил расходы в 331.000.000 долларов, но сенат увеличил эти расходы еще на 31.000.000 долларов. В 1914 г. содержение армии обходилось в 94.266.145 долларов, в 1915 г.—в 100.212.000 долларов. Таким образом, по сравнению с 1915 г. расходы на содержание армии увеличиваются более чем в $3^1/_2$ раза.

Не довольствуясь громадными расходами на увеличение армии и особенно военного флота, американское правительство устраивало демонстрации, которые отнюдь не свидетельствовали о миролюбивых планах правящих классов трансатлантической республики. К числу таких демонстраций относится упомянутая концентрация сильного американского флота в водах Тихого Океана. „Чикагская Трибуна“ от 21 янв. сообщала, что американский атлантический флот прошел через Панамский канал и соединился с тихоокеанским. Оба флота немедленно же начали совместные грандиозные маневры—была произве-

---

[1]) Не считая устаревших судов и принимая во внимание только крупнейшие броненосцы и крейсера, имеющие орудия 13,5 дюймов и бо́льшего калибра.

дена пробная война с соблюдением по возможности тех условий, которые возникнут в случае войны между Америкой и Японией. После маневров флоты предприняли долгое крейсирование вдоль берегов Южной Америки.

§ 4. Борьба за мировую гегемонию. Успехи Америки в области торгового судостроения.

В высшей степени поучительны данные о конкурренции между С. Штатами, Англией и Японией в области торгового судостроения.

В Англии в 1920 г. было построено 618 торговых судов, вместимостью в 2.055.624 тонны. Судостроение в 1920 г. значительно выше всех предыдущих лет и повышает рекордную цифру 1913 г. на 435.182 тонны. Из построенного в Англии тоннажа норвежские судовладельцы закупили 286.644 тонны, французские—201.662 тонны и итальянские—131.589 тонн, что вместе представляет 41% всего построенного тоннажа. В 1913 г., напротив, построенный для иностранных заказчиков тоннаж составлял всего 21% построенных в Англии судов. Самые большие суда вместимостью не выше 22.000 тонн. Построено всего 15 судов вместимостью в 10.000 тонн и выше против 168 судов от 5 до 10 тысяч тонн. Средний тоннаж пароходов равняется 3.508 тонн. По отдельным портам и верфям судостроение распределяется следующим образом: на первом месте стоит Глазго—457.032 тонны, на втором Нью-Кестль—365.775 тонн. Затем идут Сундерланд—314.454 тонны, Гринск—223.434 тонны, Бельфаст—117.856 тонн, Мидельсброу—95.452 тонны.

Вне Великобритании было построено в течение 1920 г. 1.141 портовых судна вместимостью в 3.806.042 тонны, из них 907 пароходов, 75 моторных судов и 159 парусных. По сравнению с 1919 г. наблюдается уменьшение на 1.718.065 тонн, по сравнению с 1913 г.—увеличение на 2.405.313 тонн.

Из построенных судов 236 вместимостью от 4 до 6 тыс. тонн;163 – от 6 до 8 тыс. тонн; 25—от 8 до 10 тыс. тонн и 17—выше 10 тыс. тонн.

В *С. Штатах* судостроение за 1920 г. дало 2.476.253 тонны, т. е. на 1.599.132 тонны меньше, чем 1919 г., несмотря на это, *тоннаж* 1920 г. *в* 9 *раз больше, чем в* 1913 г. *и в* $5^1/_4$ *раза больше, чем в рекордный* 1907 г. *Построенный в Соед. Штатах тоннаж представляет* 42% *мирового судостроения и* 65% *судостроения всех стран кроме Англии.* На Великих озерах было построено судов

вместимостью в 127.528 тонн, в число их входит 4 парохода, вместимостью в 33.222 тонн. В числе построенных в Соед. Штатах судов имеется 1.500 тыс. тоннажа судов, обладающих турбинами и около 29 тыс. тонн судов с двигателями внутреннего сгорания, в том числе 1 судно в 8.168 тонн, самое большое в мире судно, снабженное мотором Дизеля. Построено 88 пароходов для перевозки нефти, их тоннаж составляст 567 тыс. тонн. Из построенных в Соед. Штатах судов 119 пароходов от 5 до 6 тыс. тонн; 152—от 6 до 8 тыс. тонн; 15—в 10 тыс. тонн и ни одного выше.

В *Японии* в теченне 1920 г. было отстроено 456.624 тонн; т. е. на 155,241 тонну менее, чем в 1919 г. и на 33,282 тонны менее чем в 1918 г. Судостроение в Японии составляет, тем не менее 34% мирового тоннажа 1920 г. за исключением Соед. Штатов.

Из построенных в Японии судов 30—от 5 до 6 тыс. тонн; 21—от 6 до 10 тыс. тонн.

Нижеследующая таблица свидетельствует о колоссальных успехах Америки в области судостроения и о той опасности, какой эти успехи грозят мировой гегемонии Англии вообще и гегемонии Японии в водах дальняго Востока и на азиатском побережьи Тихого Океана в частности.

Число и тоннаж построенных торговых судов в отдельных странах:

	1919 год.		1920 год.	
	Суда	Тоннаж	Суда	Тоннаж
С. Штаты	1.051	4.075.383	509	2.475.253
Англия	612	1.620,442	618	2.055.624
Япония	133	611.888	140	456.642
Британск. колон.	263	358.728	103	203.544
Галландия	100	137.086	99	183.149
Италия	32	82.713	82	133.190
Франция	34	32.683	50	93.449
Швеция	53	50.971	46	63.839
Дания	46	37.766	30	60.669
Норвегия	82	57.578	30	38.856
Бельгия	2	2.433	435	8.371

Из этой таблицы мы видим, что за двухлетие 1919, 1920 г.г. С. Штаты построили 1.560 торговых судов с общим тоннажем в 6½ миллионов тонн, т. е. почти на 3.000.000 тонн больше, чем владычица морей Англия и на 5.500.000 тонн больше по сравнению с соперницей С. Штатов на Тихом Океане Японией. Очевидно, что трансатлантическая республика серьезно готовится к борьбе за мировую гегемонию и намерена в ближайшем будущем начать очень активную политику. Не трудно доказать, что эти лихорадочные усилия С. Штатов в области судо-

строения, отнюдь, не вызываются потребностями данного момента, а преследуют цели ближайшего будущего, а именно захват мировой гегемонии Америкой. В январе 1921 г. по данным английской палаты судоходства (Chamber of Shipping) в С. Штатах числилось „безработных“, т. е. не функционирующих, не занятых судов, более 250 с тоннажем более 2.000.000 тонн, что составляет около 20%, т. е. одной пятой всего американского тоннажа. В свою очередь в Великобритании числилось таких же „безработных“ судов 600 с тоннажем 2½ миллиона тонн.

Опубликованные в настоящее время данные о внешней торговле Соединенных Штатов за истекший 1921—22 фискальный год (1 июля 1921—30 июня 1922) рисуют следующую картину внешней торговли Штатов с начала войны:

ГОД.	Ввоз.	Вывоз.	Превышение вывоза над ввозом.
	В миллионах долларов.		
1913—14	1.894	2.364	479
1914—15	1.674	2.768	1.094
1915—16	2.198	4.333	2.136
1916—17	2.659	6.290	3.630
1917—18	2.946	5.920	2.974
1918—19	3.096	7.232	4.136
1919—20	5.239	8.109	2.870
1920—21	3.654	6.550	2.896
1921—22	2.608	3.770	1.162

За 9 лет, с 1913 по 1922 г. вывоз Соединенных Штатов превысил их ввоз на огромную сумму в 21.358 миллионов долларов. Эта цифра показывает, какими путями Соединенные Штаты стали кредитором всего мира. Наибольшей активностью торговый баланс Штатов отличался в 1918—19 г. Последующие годы принесли некоторое понижение активности, принявшее особенное сильные размеры в истекшем году.

Общий размер внешнего товарооборота Штатов (вывоз плюс ввоз) достиг своего максимума в 1919—1920 г., составив 13.348 милл. долл. Затем началось понижение: 1920—21 г. дал 10.186 миллионов, а 1921—22 г. только 6.378 милл.

Понижение внешнего товарооборота по ценности об'ясняется в первую очередь значительным падением товарных цен, начавшимся в Соединенных Штатах с весны 1920 г. Другая причина—сокращение об'ема торговли (по количеству ввозимых и вывозимых товаров), вызванное падением сбыта.

Американская торговая статистика не дает, к сожалению, общих данных о размерах внешней торговли по весу. Данные, имеющиеся относительно отдельных това-

ров, рисуют далеко не одинаковую картину вывоза за истекший год. Вывоз угля резко пал. В отчетном году было вывезено всего лишь 13 миллионов тонн битуминозного угля стоимостью в 68 миллионов долларов, по сравнению с 34 милл. тонн стоимостью в 302 милл. долл. в 1920—21 г. Экспорт антрацита составил 3 милл. тонн против 5 милл. тонн в предыдущем году. Напротив, вывоз нефти возрос с 305 милл. галлонов в 1920—21 г. до 379 милл. галл. в 1921—22 г. И с хлебными продуктами дело обстоит различно. Пшеницы в отчетном году было вывезено 208 милл. бушелей против 293 милл., а маиса 176 милл. бушелей против 67 милл. в предыдущем году. Вывоз пшеничной муки остался на прежнем уровне: 15,8 милл. бочек против 16,2 милл. Экспорт овса повысился на 266 процентов, вывоз свежей говядины пал на 81 проц. В общем и целом экспорт Соединенных Штатов за истекший год по количеству был не ниже, чем в 1920—21 г. Американский статистик Аустин доказывает даже, что в действительности имел место количественный рост вывоза приблизительно на 15 проц.

Что касается ввоза Штатов, то он несколько повысился. О ввозе в Штаты из Европы имеются следующие данные за 11 месяцев 1921—22 г.: было ввезено 125 милл. ярдов хлопчатобумажных материалов против 76 милл. ярдов за тот же период 1920—21 г., нитяных кружев 318 милл. ярдов против 159 милл., 49 милл. необработанных шкур против 24 милл., 60 милл. фунтов шерсти против 19 милл.

Дальнейшее развитие внешней торговли Штатов находится в тесной зависимости от политического и экономического положения Европы. Обострение хозяйственного кризиса в Германии вызвало уже сильное сокращение германо-американской торговли. Сильно отразится также на вывозе Соединенных Штатов новый таможенный тариф, только что вошедший в силу. Тариф этот, составляющий победу протекционизма, сильно стеснит импорт в Соединенные Штаты и тем самым затормозит экспорт Штатов [1]).

§ 5. Демократическая партия. Американские аграрии и Россия.

Кризис, переживаемый американской промышленностью, интересы важнейших отраслей американской индустрии, наконец, серьезное международное положение и возможность вооруженного конфликта с Японией и

[1]) См. „Экономическая Жизнь“ 8—10—1922 г.

Англией, все это, казалось бы, должно было давно толкнуть американское правительство к сближению с Советской Россией. Однако, даже после подписания торгового договора между Россией и Англией и торжественного обращения В. Ц. И. К. к новому американскому президенту Гардингу и конгрессу с предложением о возобновлении торговых сношений, вашингтонское правительство не торопилось пойти навстречу желаниям Советской России и отказалось от подписания торгового договора с последней. Сущность американского ответа сводится к тому, что возобновление торговых сношений с Россией возможно будет лишь тогда, когда последняя вернется к буржуазному строю. Конечно, такого рода ответ свидетельствует о том, что среди правящих американских групп существуют влиятельные круги, заинтересованные в блокаде России, в создании всяких препон восстановлению нормальных торговых сношений между Россией и остальным миром.

Кто же в Америке является главным противником Советской России, непримиримым врагом последней, не желающим допустить сношения с ней. Если республиканская партия, эта партия торгово-промышленного капитала, представляющая интересы крупных промышленных трестов и банков, руководящих металлургической, хлопчатобумажной, обувной и другими важнейшими отраслями американской индустрии, при всем своем социальном консерватизме и непримиримой вражде к коммунизму, неоднократно высказывалась устами влиятельных сенаторов, членов конгресса, фабрикантов и важнейших органов прессы в пользу торгового договора с Россией, то наоборот, демократическая партия, как представительница аграрного капитала, аграрных интересов, систематически и упорно борется против восстановления мирных отношений с Россией. Именно, благодаря воздействию представителей демократической партии Вильсон *израсходовал* 40 *миллионов долларов*—из суммы в 150 миллионов долларов, ассигнованной Вашингтонским конгрессом для нуждающихся европейских стран—*исключительно для нужд польской армии во время войны Польши с Советской Россией* и разрешил в середине 1920 г. в момент крайне воинственного поведения Румынии по отношению к России заключение в Америке займа для Румынии в 1 миллиард долларов.

Представительница интересов крупных аграриев, поставщиков сельско-хозяйственных продуктов на мировой рынок, демократическая партия Америки стремится изолировать Советскую Россию от всего остального мира, чтобы сохранить за американскими аграриями *монополию* на международном рынке в области торговли продуктами земледелия.

Несомненно, что как только Россия с ее неисчерпаемыми естественными богатствами, с ее земледельческими продуктами снова выступит на мировом рынке, американской *монополии* придет конец. Целый ряд стран, как, напр., Италия, желали бы освободиться от необходимости приобретать американскую пшеницу и другие продукты сельского хозяйства с тем, чтобы получать все это из Советской России. В беседе с корреспондентом французской газеты „Матэн" (Утро), итальянский министр Нитти высказал это стремление широких слоев населения своей страны в следующих словах:

„Италия нуждается в сырье более, чем какая-либо другая страна, и должна стараться добиться его всюду, где только возможно. Поэтому она будет продолжать покупать пшеницу в Америке в надежде, что настанет день, когда *Россия начнет присылать более дешевый хлеб, но не для одной Италии*, а для всей Европы. (См. нашу брошюру „Украйна, как объект международной контр-революции" стр. 12—17).

За пятилетие 1909—1913 г.г. из всего среднего годового мирового производства четырех главных хлебов (пшеницы, ржи, овса и ячменя) в 2.322 миллионов квинталов Россия производила 723,9 миллионов квинталов или 31,18%. Крайне значительно было участие России в снабжении мирового рынка главными хлебами. Россия доставляла на мировой рынок около 40% (37%) всего хлеба, тогда как все остальные страны, экспортирующие хлеб, вместе взятые давали остальные 63%. Россия вывозила на мировой рынок кроме хлеба живой скот, птицу, мясо, тысячи вагонов яиц и другие продукты сельского хозяйства. Отсюда понятно, что выпадение такого звена, как бывшая Российская империя из общей цепи государств, являвшихся поставщиками сельскохозяйственных продуктов на мировой рынок, было сильным ударом для таких стран, как Италия, Швейцария, Скандинавские государства и т. д., т. е. для потребительных рынков и наоборот принесло колоссальные выгоды странам хлебного производства, т. е. прежде всего С. Штатам, которые являлись главными конкурентами России на мировых рынках. По официальной котировке главной хлебной биржи в Нью-Йорке к началу января 1921 г. пшеница стоила 203 цента за центнер, т. е. более чем вдвое по сравнению с ценами до военного времени. Другие сельскохозяйственные продукты еще более повысились в цене, чем хлеб.

Понятно, что американские аграрии не заинтересованы в обратном приобщении России к мировому товарообмену, в поднятии экономического благосостояния нашей страны,

наших производительных сил, в развитии нашего сельского хозяйства.

Однако, можно надеяться, что скоро, под влиянием требований рабочих масс Америки, правительство С. Штатов, несмотря на интересы аграриев и ненависть к большевизму, вынуждено будет пойти по английскому пути и подписать торговый договор с Россией, тем более, что фактически Америка в лице концессионеров в роде Вандерлипа с их грандиозными планами и многих экспортеров, завязавших торговые сношения с Россией, первая оказалась вынужденной отказаться от блокады России.

II. От Вашингтона до Генуи и Гааги.

1. Вопрос о Сибири на Вашингтонской конференции.

Вся деятельность японского правительства со времени мировой войны ясно доказывала, что японские империалисты отнюдь не желали ограничиться своими экономическими завоеваниями в Китае и обширными территориальными захватами целых стран, как Кореи, и громадных областей, как то: Сахалина, Ляодунского полуострова, Киа-Чао, Южной Маньчжурии, Шантунга, но стремятся сверх того к захвату, по крайней мере, всей Восточной Сибири.

Японцы утвердились на азиатском континенте с момента Портсмутского мира, который отдал под их протекторат целую империю Корею с 17 миллионным населением и Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним. 22 Августа 1910 г. декретом Японского правительства Корея была объявлена аннексированной провинцией Японии. Все протесты корейцев против этого акта перед европейскими правительствами остались, конечно, без всяких последствий.

Союзный договор 3 июля 1906 года между Японией и царской Россией освятил положение вещей, создавшихся в результате Портсмутского мира, и повел к установлению своего рода японо-русского кондоминума по отношению к китайским территориям. Оба союзника пришли к соглашению насчет Китая и решили не допускать применения к последнему режима открытых дверей.

Но после того, как царское правительство, а затем Временное правительство были низвергнуты, и в России утвердилась Советская власть, японские имериалисты решили воспользоваться тяжелым положением Советской республики, атакованной всем капиталистическим миром,

чтобы отторгнуть от России Приамурский край, Уссурийский край и вообще всю Сибирь до Байкала. В конце 1917 г. Англия и Франция предложили Японии высадить свою армию в Владивостоке и принять участие в интервенции. Япония предъявила следующие условия, которые были приняты Англией и Францией: *„В Сибири будет действовать против большевиков только японская армия, без вмешательства союзных войск. Все союзники, включая американцев, признают специальные интересы и суверенные права Японии в Китае, и, следовательно, вопрос о Кио-Чао и другие подобные вопросы не будут более поставлены. Только одна Япония будет иметь право на получение концессии на рудники, рыбные ловли, леса в Восточной Сибири“.*

Решительное вето С. Штатов помешало осуществлению этих японских притязаний.

Однако, в 1918 году японцы нашли предлог для осуществления своих захватных планов. Антанта решила помочь чехо-словакам и поддержать Колчака. По соглашению союзников каждая держава должна была высадить по 7.500 человек. Но японцы высадили целую армию в 100.000 человек и расположились в Восточной Сибири как у себя дома. Понадобился специальный ультиматум Соединенных Штатов—нота Лансинга от 2 Ноября от 1918 г. виконту Ишии, чтобы заставить японцев очистить некоторые из занятых ими пунктов. Однако, японцы не стремились, конечно, к тому, чтобы серьезно помочь Колчаку. Зато они охотно поддерживали всяких авантюристов вроде Семенова и др. Японцы опасались как бы Колчаку не удалось создать сильную и единую Россию, что не входило в их планы. Японцы решили окончательно овладеть Восточной Сибирью и подготовить ее аннексию. Наряду с военной оккупацией развивалось успешно и экономическое завоевание Сибири. Война позволила японским капиталистам наводнить Сибирь, при помощи правительства Микадо, дешевыми товарами. „Военные“ поезда или Красного Креста часто отправлялись из Владивостока, нагруженные японскими товарами, не имевшими никакого отношения к надобностям японской армии или Красного Креста. Как рассказывает с негодованием Овелак, автор книги „Япония“, „во время одного железнодорожного крушения в 1918 г. было обнаружено, что из 29 вагонов воинского поезда, 21 были наполнены, вместо указанной аммуниции, всякого рода товарами“.

После того, как чехо-словаки были разбиты и Колчак расстрелян, японцам пришлось отказаться от своих грандиозных планов и отступить перед натиском красных армий. Японцы решили прочно утвердиться на побережьи

и удержать в своих руках Владивосток. Кроме того, они захватили северную часть Сахалина, где намерены основаться навсегда и обнаруживают намерение овладеть Камчаткой. Однако, японские империалистические планы насчет территорий Восточной Сибири и Сахалина вызвали сильную тревогу в империалистических кругах Соединенных Штатов.

Американцы придают большое значение Маньчжурии, как рынку сбыта своих товаров и важному району для приложения американских капиталов, *Американская буржуазия требует приложения к Восточной Сибири, в особенности к Маньчжурии того же принципа открытых дверей, которого она придерживается по отношению к Китаю.* В войне 1904 г. между Японией и Россией С. Штаты были противником России именно из-за русской политики в Маньчжурии. И, конечно, из-за прекрасных японских глаз янки не откажутся от защиты своих интересов в Маньчжурии и на всем побережьи Сибири. Американские капиталисты придают большое значение перспективам железнодорожного строительства в Сибири (и глава американской железнодорожной миссии и Сибири Стивенс решительно высказался в американской печати против политики Японии в Маньчжурии и Сибири, в частности против действий японской оккупационной армии в занятых ею территориях бывшей царской империи [1]). Япония считает себя законной наследницей России в Маньчжурии и стремится к овладению этой важнейшей областью. Однако, С. Штаты не желают признать прав Японии на это наследство.

С. Штаты неоднократно обращались к Японии с запросами, когда и при каких условиях она намерена отозвать свои войска из Сибири. Японское правительство неизменно отвечало, что в Сибири не останется ни одного человека, как только порядок установится, Корея и Маньчжурия будут вне опасности и неприкосновенность японских представителей, а также их собственность будут обеспечены. Понятно, что подобные ответы свидетельствовали лишь о том, что японское правительство не желает отказаться от своих захватных планов насчет Сибири. Равным образом протесты Вашингтонского правительства против оккупации северной части Сахалина, не приводили ни к каким результатам.

Следует прибавить, что участие С. Штатов в союзнической интервенции в Сибири обусловливалось прежде всего желанием Америки контролировать действия Японии и не дать возможности последней захватить в свои руки

---

[1]) Подробно о точке зрения Стивенса см. „Советская Россия и империалистическая Япония".

гегемонию в Сибири. Американское правительство согласилось оказать помощь правительству Колчака, ограничив свое содействие последнему восстановлением железных дорог в Сибири. Как писал Колчаковский главный штаб, „*заботы об улучшении транспорта Сибирских дорог имеют своей главной целью установление доминирующего значения Америки в железнодорожном деле Сибири и создание возможности глубокого экономического проникновения американскаго капитала с попутным вытеснением и в этом отношении Японии* (см. „Правительство Колчака и С. Штаты“ в Вестнике Наркоминдела“ № 15 Дек. 1920, стр. 64).

Приняв участие в интервенции, американское правительство в ноте, отправленной в конце июня 1918 г., официально пригласило всех соучастников в предполагаемых операциях дать самые торжественные заверения России в неприкосновенности всех прав ее суверенитета. Япония немедленно же (2 августа) поспешила „вновь подтвердить ее открытую политику уважения к территориальной целости России“; она обещала по достижении намеченных целей „немедленно вывести все японские войска с русской земли и оставить без всякого ущерба русский суверенитет во всех его видах политических и военных“.

Тем временем японцами был занят Сахалин. В ноте 31 Мая 1921 г. Америка заявила Японии, что „продолжающаяся оккупация стратегических центров Вост. Сибири, влекущая за собой неопределенное владение Владивостокским портом, размещение войск в Хабаровске, Николаевске, Де-Кастри, Маго, Софийске и др. важных пунктах, захват русской части Сахалина и установление гражданской ее администрации, ведущей неизбежно к неправильным представлениям и антагонизму,—все это скорее усиливает, чем успокаивает волнения и беспорядки в названной области. Военная оккупация в виде репрессалий за Николаевск в основе своей и по признанным правилам международного права не является законным способом действий“. Напоминая о вполне определенном соглашении, заключенном с Японией при посылке войск, Соед. Штаты заявляли, что „*ни теперь, ни впоследствии они не могут признать основательными какие-либо претензии или основания, возникшие из нынешней оккупации*, и не могут согласиться ни на какие действия японского правительства, которые могли бы нарушить существующие договорные права или политическую и земельную неприкосновенность России“.

Япония ответила в июле 1921 г. обычными заверениями в чистоте своих намерений и ссылками на обстоятельства, в виду которых она продолжает оккупацию.

Так обстоял вопрос о Сибири в японо-американских отношениях накануне Вашингтонской конференции. На Вашингтонскую конференцию, созванную правительством С. Штатов в ноябре 1921 г. для обсуждения вопросов, касающихся сокращения вооружений и Дальневосточной проблемы, Россия (равно как и Германия) не была приглашена [1]). Уже один этот факт, наряду с приглашением на конференцию таких малозаинтересованных в Дальневосточных вопросах по сравнению с Россией держав, как Италия и Португалия, ясно свидетельствовал о том, что *правительство Гардинга желает оставить за собою свободу действий в Сибирском вопросе, чтобы иметь возможность, на крайний случай, компенсировать Японию уступками в Восточной Сибири за отказ от захватных планов в Китае.* Наркоминдел в циркулярных нотах от 19 июля и 2 ноября заявил протест против созыва, без участия России, конференции для обсуждения вопросов, непосредственно затрагивающих интересы русского народа. Кроме того, в ноте от 8 декабря, адресованной министрам иностранных дел Великобритании, С. Штатов, Франции, Японии, Бельгии и Италии Наркоминдел от имени Российского Правительства выразил особый протест против обсуждения на Вашингтонской конференции вопроса о Восточно-Китайской железной дороге, касающегося исключительно России и Китая.

Политика правительства Гардинга на Вашингтонской конференции по отношению к Восточной Сибири подверглась резкой критике на столбцах многих органов американской прессы. Как сообщал Вашингтонский корреспондент „Дейли Хроникль", часть американских сенаторов осуждала „четверное соглашение" между Англией, С. Штатами, Японией и Францией по Дальневосточным вопросам, видя в нем договор, на основании которого Америка становится на защиту Японии против будущей России.

На Вашингтонской конференции были подписаны соглашения о Тихоокеанских островах, причем высокие договаривающиеся стороны условились, „поскольку это их касается, взаимо уважать права на их островные владения, равно как на их островные сферы влияния в зоне Тихого океана"; далее был подписан договор об основных началах, „подлежащих применению в отношении Китая", наконец, был подписан договор о Шантунге, причем Япония обязалась возвратить Китаю территорию Киао-Чау, ранее уступлен-

---

[1]) В Вашингтонской конференции приняли участие девять держав: С. Штаты, Англия, Франция, Япония, Италия, Китай, Португалия, Бельгия, Голландия.

ную в аренду Германии и занятую Японией в период мировой войны, и отозвать японские войска, расквартированные вдоль линии Тзинг-Тао-Тзиннанфу и ее разветвлений, но нам ничего неизвестно о каких-либо соглашениях по вопросу о территориях Сибири, занятых японскими войсками.

Уже перед началом Вашингтонской конференции английский „Таймс" сообщал о плане *„пустить японцев на север от Китая"*,—в награду за отказ Японии от захватной политики в Срединной Империи. Если верить многим органам английской и американской прессы Вашингтонское и японское правительства пришли к секретному соглашению, по которому Америка предоставляет Японии carte blanche (свободу действия) в Сибири в виде компенсации за эвакуацию Шантунга и признания принципа открытых дверей и равных возможностей для всех государств по отношению к Срединной Империи. По другим сведениям, правительство С. Штатов потребовало от Японии очищения Сибири и добилась от правительства Микадо обещания немедленно приступить к эвакуации японских войск из Сибири и северной части Сахалина. Официальные заявления Вашингтонского правительства подтверждали эти газетные сведения относительно твердого намерения С. Штатов добиться эвакуации Японией Сибири.

12 января делегация Дальневосточной Республики вручила американскому статс-секретарю Юзу меморандум, в котором она протестует против хозяйничанья японцев в Сибири и требует эвакуации из Сибири японских войск. Свое требование делегация основывает на том, что союзники дали в свое время торжественное обещание удалить свои оккупационные войска из Сибири, как только минет опасность от находившихся тогда в Сибири чехословацких войск. Союзники свое обещание как будто выполнили. Япония, однако, не торопится с отозванием своих войск из оккупированного края. Более того, она ясно обнаруживает стремление утвердиться в Сибири, производя всякого рода насилия над мирным населением, чем она препятствует установлению правопорядка в крае. Далее указывается в меморандуме, что разрешение сибирского вопроса может быть достигнуто лишь тогда, когда население Сибири будет окончательно освобождено от иностранной опеки. Русское население Дальнего Востока научено трехлетним горьким опытом не доверять уверениям Японии. Делегация требует, чтобы целость русской территории в Сибири была гарантирована всеми державами, участвовавшими в Сибирской интервенции, и особенно американским правительством, по приглашению коего японские отряды были командированы в Сибирь.

К меморандуму делегация Дальневост. Респ. приложила протест Народного Собрания Республики против японской военной оккупации и насилий, чинимых японскими солдатами над сибирским населением.

Резолюция, принятая Вашингтонской конференцией по сибирскому вопросу, согласно сообщения „Гаваса“ от 24 января, в главных своих пунктах соответствует именно тем требованиям, которые были изложены в упомянутом выше меморандуме делегации Дальневосточной Республики.

В „Комиссии по Тихоокеанским вопросам“, собравшейся 24 января 1922 г., министр Юз в ответ на декларацию,—прочитанную от имени Японского правительства бароном Шидераха, заявившим, что единственной целью японской оккупации в Сибири является охрана жизни и имущественных интересов проживающих там японцев, но что Япония, уважая суверенитет России выведет свои войска при первой возможности,—сделал следующее заявление:

„Американская делегация, выслушав заявление барона Шидераха, приняла к сведению заверения, данные от имени японского правительства *относительно эвакуации японскими войсками приморской области Сибири и Сахалина.* Американская делегация также приняла к сведению заверения японского уполномоченного, что, по определению японского представителя, политика Японии состоит в том, что она уважает территориальные границы России и будет соблюдать принцип невмешательства во внутренние дела этой страны, а также принципы, обеспечивающие всем нациям равные возможности для торговли и промышленности во всех частях российских окраин. Эти заверения следует понимать таким образом, что Япония не стремится путем военных операций в Сибири к нарушению прав российского народа в каком бы то ни было отношении или к захвату для своего собственного использования рыболовства в Сибири, или же к обеспечению себе исключительной эксплоатации рессурсов Сахалина или Приморской провинции. Барон Шидераха подчеркнул, что военная экспедиция Японии в Сибирь была предпринята в согласии и в сотрудничестве с Соединенными Штатами“.

В дальнейшем Юз в своем заявлении дает исторический обзор взаимоотношений Японии и Соединенных Штатов по вопросу об экспедиции в Сибирь и эвакуации американских войск в 1920 году. „В Июле 1918 года, говорится в заявлении Юза, Америка в согласии с державами Антанты решила помочь эвакуации чехословаков из Сибири с *тем, однако, условием, что немедленно по эвакуации союзные войска будут уведены из Сибири.* Япония с этим

планом согласилась и отправила свои войска во Владивосток, дав при этом обещание, что она подчинится решению об уводе своих войск. Весною 1920 г., когда эвакуация чехословаков благополучно закончилась и американские войска были из Сибири отозваны, Япония, однако, под различными предлогами уклонялась от выполнения своего обещания, ссылаясь на якобы существующую в Сибири большевистскую опасность и на антияпонские волнения в Сибири. В качестве главного аргумента выставлялись николаевские события.

„Такая точка зрения японских дипломатов—сказал Юз в упомянутой речи—не убедила американское правительство, и последнее еще в мае 1921 г. отправило ноту Японии, в которой оно заявляет, что считает союзную интервенцию в Сибири оконченной и что хотя Япония, быть может, и имеет большие интересы в Сибири, чем другие державы, все же это не может служить оправданием для дальнейшей оккупации Японией Сибирской территории. Оккупация Японией северной части Сахалина, также, по мнению Юза, не может быть оправданной, и ссылка Японии на то, что до очищения Сахалина она должна получить соответствующее удовлетворение за николаевские события, является совершенно неосновательной". „Это удовлетворение Япония сможет получить, говорит он, во всякое время, если ее требования не будут чрезмерными".

В ответ на эту ноту Япония прислала американскому правительству в июле 1921 г. официальное уверение в том, что она не намерена использовать оккупацию Дальневосточной территории в целях нарушения суверенных прав русского народа над Сибирью, и что оккупация эта будет вскоре прекращена.

„Это заявление было вновь повторено перед конференцией японскими делегатами, причем оно заканчивается уверением в том, что Япония в ближайшем будущем свое обещание исполнит, т. е. *закончит сибирскую экспедицию и вернет остров Сахалин русскому народу*".

Свой исторический очерк статс-секретаря С. Штатов Юз закончил следующим заявлением от имени правительства С. Штатов:

„Существенный вопрос сводится к точному выполнению заверений, данных русскому народу, соответственно установленному между правительствами Америки и Японии соглашению. Эти заверения имели целью дать обещание России, что оба правительства не используют эту совместную экспедицию в связи с инцидентами, которые она

может повлечь за собой, как повод хотя бы для временной оккупации территории России или для захвата в свои руки военного или административного контроля над населением Сибири. *Правительство Соединенных Штатов ни сейчас, ни после не может признавать действительными никакие исходящие из факта настоящей оккупации притязания на контроль и не может согласиться с какими-либо действиями японского правительства, которые могут нарушить существующий договор или причинить ущерб неприкосновéнности России.* Друзья России теперь в особенности должны избегать шагов, которые могут быть истолкованы российским народом, как меры воздействия за спорадические беззаконные действия, и особенно воздержаться даже от временной или условной оккупации российской территории со стороны какой либо иностранной державы, ибо это для русского народа, также, как для всякого другого, является актом, глубоко оскорбляющим его чуткое национальное чувство. На все это японское правительство в Июле 1921 г. ответило Америке, заявив в сущности то же, что Шидераха заявил теперь. Поэтому американская делегация с чувством особого удовлетворения, выслушав заверения японских коллег, вновь выражает надежду на то, что Япония найдет возможным осуществить в начинающемся году выраженное ею намерение окончательно эвакуировать сибирскую территорию и возвратить Сахалин русскому народу". Затем председатель комиссии предложил следующую резолюцию: „Комиссия решила, что заявления, сделанные японским и американским делегатами относительно присутствия иностранных войск в Сибири, будут сообщены конференции в следующем пленарном заседании конференции, дабы принять их к сведению".

Само собой разумеется, что эта декларация статс-секретаря С. Штатов Юза и резолюция о *принятии к сведению* заявлений американского и японского правительств относительно присутствия иностранных войск в Сибири менее всего могли быть истолкованы как ультиматум Японии *срочно* эвакуировать Сибирь.

Как писал „Манчестер Гардиан", комментируя резолюцию Вашингтонской конференции, „Япония обеспечила себе права на Порт-Артур, Маньчжурию и другие территории. *Большим выигрышем для Японии является также принятое решение относительно Сибири.* Всем в Вашингтоне известно, что присутствие японских войск является единственным препятствием к установлению мира в Сибири, вместе с тем никто не верит, что Япония эвакуирует оттуда свои войска. Державы оправдывают свое решение

тем соображением, что вопрос о Дальневосточной Республике не может рассматриваться отдельно от вопроса об остальной России, с которой эта республика, в конце концов, должна объединиться на федеративных началах.

В таком же тоне писали и японские газеты. Так по мнению Японской газеты „Дзи-дзи“ (от 2 Марта 1922 г.): „Решение Вашингтонской Конференции по сибирскому вопросу определенно санкционирует право Японии на продолжение интервенции. Когда Каннская конференция вынесла резолюцию о приглашении Советской России в Геную, продолжает газета, барон Хайяш запросил, может ли Япония, согласно 6 пункта резолюции, продолжать оккупацию некоторых областей Российской территории. На это Ллойд-Джордж ответил, что резолюция имеет отношение только к европейским странам. Таким образом говорит „Дзи-дзи“ *японская интервенция в Сибири встретила двойное поощрение: в Вашингтоне и в Каннах, и за Японией остается право сохранить свои войска в Сибири на неопределенный срок.* Отвергая необходимость оставления японских войск в Сибири, усиливающих ненависть русского населения к японцам, газета настаивает на немедленной эвакуации; вашингтонское же решение следует, по мнению ее, истолковывать как выражение доверия Японии, а не как поощрение к продолжению интервенции. Японская газета „Асаки“ рекомендует японскому правительству ускорить ход дайренских переговоров при условии превращения Владивостока в свободный порт. Газета предлагает войти в переговоры с московским правительством для скорейшего решения сибирского вопроса, раз между Читой и Москвой, как намекнул Учида, существует связь.

По заявлению „Асаки“, оппозиция уже устала твердить правительству о необходимости отозвать войска из Сибири. По мнению газеты „Ничи-ничи“, интервенция с самого начала была ошибкой. Повинны в ней, заключает газета, только японские милитаристы, а не народ, настаивающий на скорейшей эвакуации Сибири.

Ясно, что вопрос об очищении Сибири и Сахалина от японских войск будет разрешен не дипломатическими актами, подписанными Японией и Америкой, не всякого рода секретными договорами, которые в любую минуту могут превратиться в „ничего незначущую бумажку“, согласно выражению Кидерлен-Вехтера по поводу договора о нейтралитете Бельгии, нейтралитете, гарантированном всеми европейскими государствами. Вопрос об очищении всей Сибири и Сахалина от японских войск будет разрешен силой наших красноармейских штыков, мужеством наших

партизанских отрядов, действующих на Дальнем Востоке и прежде всего революционным духом и сознанием всего населения дальневосточных окраин, не желающего примириться с порабощением Сибири Японскому империализму [1]).

III. Генуя и Гаага.

§ 1. Правительство С. Штатов и Советский Строй.

И в русской и в западно-европейской печати уже накануне Генуэзской конференции подчеркивалось неоднократно, что поскольку Генуэзская конференция имеет целью восстановить европейское хозяйство, ее успех или неуспех будет всецело зависеть от отношения С. Штатов в этой конференции.

На чрезвычайной сессии В. Ц. И. К., созванной 27 Января 1922 г. в связи с приглашением Российской Республики на Всеобщую Конференцию в Генуе, Народный Комиссар по иностранным делам тов. Чичерин, охарактеризовав политику Англии и Франции по отношению к России, в следующих словах обрисовал политику С. Штатов: „Наши интересы совпадают с интересами Италии. Если бы политика Италии не отличалась очень часто недостатком самостоятельности, излишним подчинением давлению великих держав, наши политические и экономические сношения с нею уже давно пошли бы гораздо дальше. Итальянский парламент первый, еще в 1919 г., высказался за возобновление с нами сношений. Итальянские широкие общественные и политические круги ясно понимают, какое громадное значение и для нее и для нас имело бы это политическое и экономическое сближение.

„*Такой же недостаток в самостоятельности, к сожалению, нередко проявляло сильнейшее из современных государств, Американские Соединенные Штаты* [2]). И по отношению ко всеобщей конференции, и по отношению к предстоящим планам экономического сотрудничества России с другими странами, со стороны Америки перед нами вопросительный знак. Ее политика загадочна, ее отношение к России является парадоксом. Казалось бы, все должно было ее толкать к тому, чтобы идти навстречу нашим

---

[1]) Подробно о борьбе красных партизан и народно-революционной армии с оккупационными японскими войсками см. нашу брошюру „Советская Россия и империалистическая Япония".

[2]) Курсив везде наш. М. П.

стремлениям к сближению с нами и к завязыванию с нами тесных экономических связей".

„В первые дни советского режима нашими лучшими друзьями среди иностранцев были деятели американского Красного Креста, полковник Робинс и его сотрудники, деятели американского союза христианской молодежи, стремившиеся уже тогда снабжать Россию сельскохозяйственными орудиями. Однако, американская политика в то время поддалась *чуждым влияниям*. За весь последний период администрации президента Вильсона эти чуждые влияния оказывали постоянное давление на американскую политику. Группа блестящих американских сенаторов, как Хайрем Джонсон и Бора, требовали, между прочим, сношений с Советской Россией. Новая республиканская администрация до сих пор не оправдала этих надежд. *Ложная информация* о положении России, особенно удачно культивируемая и старыми царскими дипломатическими кругами, и выходцами буржуазной России в Соединенных Штатах, оказывала до сих пор слишком сильное влияние на американский политический мир. Эта ложная информация до сих пор еще мешает американским политическим и деловым кругам понять, что настоящие их интересы должны были бы их толкать к тому, чтобы пойти навстречу нашему неуклонному стремлению к экономическому сотрудничеству и политическому сближению с Америкой. И как раз в то время, когда в политической области Американское правительство оказывается наиболее непримиримым по отношению к нам, американская филантропия в лице АРА далеко превосходит в своей гуманитарной работе помощи голодающим в России все то, что сделано другими иностранными группами. Само американское правительство посылает нам хлеб, но вся эта помощь должна обязательно носить чисто филантропический характер, и нас всегда предупреждают, что она ни в коем случае не является началом юридических или политических, фактических отношений. Многочисленные американские журналисты находятся у нас, и мы надеемся, что скоро удастся, наконец, свалить ту толстую стену предрассудков и ложной информации, которая отделяет от нас широкие круги американского общества и препятствует отвечающему интересам обеих стран сближению их".

„Америка не участвовала в Верховном Совете, принявшем решение о Всеобщей конференции. Ее представитель Гарвей находился в Каннах лишь с информационной целью... Те документы, которые являются для нас основанием сегодняшнего обращения к чрезвычайной сессии ВЦИК, исходят от Великих держав Антанты, без Америки и без Японии. Нам остается теперь эти документы огласить".

Как мы видим, в своей речи т. Чичерин говорит о ложной информации и о чуждых влияниях, как о главных причинах враждебной политики С. Штатов по отношению к Советской России. В чем заключается эта *„ложная информация"*, что это за *„чуждые влияния"*, оказывающие такое воздействие на внешнюю политику С. Штатов?

Прежде всего приведем ноту Американского правительства, отправленную Италии в августе 1920 г. в связи с войной между Советской Россией и Шляхетской Польшей. Эта нота как нельзя ярче характеризует официальный взгляд правительства С. Штатов на Советское правительство.

„Идя навстречу желанию Италии—говорит эта нота—выразить наш взгляд на русский вопрос, мы отмечаем, что он находится не только в зависимости от происходящего в данное время наступления России на Польшу, но вообще от нового фазиса, в который вступил этот вопрос. Америка верит в свободную и независимую Польшу и выступит всеми силами на защиту этой независимости. Америка не может оставаться равнодушной при виде известных попыток довести дело до заключения Русско-Польского перемирия, но в данное время Америка не может принять участие в развитии и даже расширить эти переговоры до общей Европейской Конференции, которая неизбежно повлекла бы за собой два последствия: во-первых, *признание большевистского правительства* и, во-вторых, разрешение русской проблемы в смысле раздробления России.

„С самого начала русской революции 1917 года до настоящего времени Америка с искренней симпатией следила за стараниями русского народа повести в новом духе строительство жизни и установить твердый государственный строй, базирующийся на народовластии. Поэтому правительство Соединенных Штатов первым признало революцию и русское временное правительство. Мы вполне поняли, насколько русский народ устал от войны. Россия в свое время доказала нам свою дружбу, оставив в нас чувство глубокой благодарности, и как благодарный друг мы направили в Россию экспертную комиссию для реорганизации железных дорог.

„Америка сознавала, что не русский народ был повинен в окончании войны в столь критический момент и в Брест-Литовской сдаче. Америка не переставала верить, что ему удастся справиться с анархией и распадом, что ему суждено играть руководящую роль во всемирной истории.

„И когда этот момент наступит, правительство С. Штатов почтет за долг чести и дружбы выступить на за-

щиту интересов России и, по мере возможности, предотвратить решение, могущее отозваться на жизненных интересах России и на ее суверенитете в пределах бывшей Империи.

„Исходя из такой точки зрения, Америка ответила 18 Сентября 1919 года соответствующим образом Литовскому Национальному Собранию и всегда отказывалась от признания Прибалтийских государств независимыми от России. В своей ноте от 23 Марта 1920 г. о делах Ближнего Востока Америка заявила, что без согласия России невозможно решение Верховного Совета Союзников признать независимость Азейрбейджана и Грузии. Признавая независимость Армении Америка заявила, что границы ее окончательно определены быть не могут без согласия России, ибо для устойчивости этой самостоятельности необходима добрая воля и дружба России. Из всего этого явствует, насколько крепко придерживалась Америка в своей дружбе по отношению к России.

„Мы не желаем, чтобы Россия, находясь *во власти правительства, не являющегося представителем народа и опирающегося единственно на грубую силу*,—чтобы Россия еще больше пострадала от политики раздробления, ведущейся не в русских, но в чужих интересах. Америка вполне солидарна со стараниями союзных держав мирным путем перебороть возникшие в Европе трудности, но она не видит, чтобы достижение этого было возможно благодаря признанию большевиков. *Что большевики не пользуются сочувствием великого русского народа—это факт, не подлежащий оспариванию.* Пользуясь властью уже 2½ года, они ничего не сделали для того, чтобы осуществить желание народа видеть свое представительство, даже больше насилием разогнали Учредительное Собрание.

„Не вмешиваясь во внутренние дела России, Америка все же надеется, что русскому народу *вскоре удастся создать власть, являющуюся выразительницей свободной его воли.* Если это произойдет, то Америка решит, какого рода помощь она подаст русскому народу; *что же касается правительства, стоящего в России у власти в данное время, то Америка полагает, что оно лишено всякого чувства корректности.* Правительство это заключило договоры с определенным намерением не считаться с ними. *Оно подтверждало, что стремится произвести революцию в других государствах.* Поэтому Америка охотно бы согласилась на заявление всех союзных держав, что вся Российская территория, за исключением Финляндии, этнографической Польши и Армении, остается неделимой. Только такая декларация, сопровождаемая эвакуацией из Российских пределов всяких иностранных войсковых частей, ли-

шила бы большевиков мощной поддержки со стороны русской национальности и противопоставила бы им разум и самосознание русского народа".

В Вестнике Народного Комиссариата Иностранных Дел в № 3—4 за 1921 г. в статье В. Волынского „Америка и Россия" мы читаем: „Америка занимается нами гораздо интенсивнее и внимательнее, чем мы занимаемся Америкой. Из протоколов комитета видно, что ни одно более или менее значительное явление экономической, политической и духовной жизни Советской России не проходит незамеченным или неучтенным теми, кому об этом надлежит знать".

При государственном департаменте, соответствующем министерству иностранных дел, работает русское бюро с очень большим штатом. Все крупные советские издания: „Известия", „Правда", „Экономическая Жизнь" и некоторые петроградские газеты целиком переводятся на английский язык. Все получаемые таким образом сведения сводятся в таблице и систематизируются с необычайной кропотливостью. Кроме сведений, почерпаемых из печати, бюро пользуется донесением от своих явных и тайных агентов как в России, так и в граничащих с Россией государствах.

При таких условиях необходимо признать, что те или иные шаги, которые принимаются американским правительством по отношению к России не могут быть объяснены недостаточною осведомленностью. Правда, добыванием и систематизацией сведений о России занимаются лица, враждебные Советской власти: либо американцы, бывшие на службе у царского правительства, либо русские, работавшие в царском посольстве в Америке. Но эта предрасположенность к определенным выводам должным образом учитывается американскими политиками.

Итак, очевидно, под „чуждыми влияниями" нужно разуметь как американцев, бывших на службе у царского правительства, так и русских, работавших в царском посольстве в Америке, а ныне занимающихся добыванием и систематизацией сведений о России.

Точка зрения противников вступления в торговые отношения с Советской Россией, отчетливо представлена в показании экономического сотрудника государственного департамента, специалиста по России, Клифорта.

„Торговые сношения с Россией весьма желательны как для Америки, так и для всего мира, но в настоящее время эта торговля не может принять сколько нибудь значительных размеров, вследствие того, что русская промышленность и, в связи с этим, покупательная сила России уничтожена.

„Колоссальные размеры будущей русской торговли не подлежат сомнению, и та часть этой русской торговли, которая выпадет на долю С. Штатов, зависит всецело от *наших будущих отношений с будущим русским правительством.*

„Благоприятные отношения к нам этого *будущего* правительства подвергнутся опасности, если мы неблагоразумно вступим в сношения с нынешним правительством. В благодарность за то, что мы отказались вступить в сношение с Советским правительством, *будущее* Национальное правительство предоставит Америке исключительные преимущества". (Стр. 147 Протоколов).

Та же мысль о будущей России доминирует и при допросе другого очень влиятельного эксперта, в лице Дейвиса (заместителя министра иностранных дел): „Я думаю, что России для ее восстановления в первую очередь потребуется железнодорожный подвижной состав, сельскохозяйственные машины и оборудования для шахт. Все это в большинстве случаев она может достать только в Соединен. Штатах... Я думаю, что Россия представит колоссальное поле для деятельности, как только в ней появится устойчивое правительство, и что она явится нашим первостепенным рынком. Я думаю, что немедленное получение нескольких миллионов долларов золота *обойдется нам слишком дорого в будущем*".

Итак, очевидно, „ложная информация", о которой говорит тов. Чичерин в своей речи на чрезвычайной сессии В. Ц. И. К, имеет очевидно в виду уверенность американских государственных деятелей в неизбежности близкого крушения советской власти и смены последней буржуазным правительством.

Однако, если в период интервенции и до начала деятельности АРА в России американское правительство снабжалось исключительно тенденциозной информацией, исходившей от бывших агентов царского правительства и от других столь же сомнительных элементов, этого нельзя сказать относительно периода, с которого АРА начала работать в России. Как констатировал тов. Эйдук, многие представители АРА, очень авторитетные в С. Штатах, информировали американскую прессу и правительство относительно истинного положения вещей в России и подчеркивали устойчивость советского правительства и всю необоснованность расчетов на близкое падение этого правительства [1]). Очевидно, что заправилы американской

---

[1]) Так бывший губернатор штата Индиана Гудрич, вернувшись из поездки по Советской России сделал доклад Гардингу, в котором, между прочим, подчеркнул устойчивость советского правительства.

внешней политики только делают вид, будто они уверены в неизбежности близкого падения советской власти, считая этот аргумент очень сильным орудием для агитации против признания советского правительства.

Мы знаем, что правительство С. Штатов официально отказалось от участия на Генуэзской конференции. Любопытно, как мотивировала Америка свой отказ от участия в конференции.

В отправленной Италии за подписью Юза ноте С. Штатов по поводу Генуэзской конференции, говорится: „Правительство С. Штатов пришло к заключению, что предполагаемая конференция не является в первую очередь конференцией экономического характера, и что она носит скорее политический характер, в котором участие американского правительства не принесло бы пользы, так как американское правительство не может не считаться с определенным убеждением американского народа, что вовлечение Америки в европейские политические вопросы нежелательно.

Американское Правительство, стремясь сделать все, что в его силах, для благополучия русского народа, с напряженным вниманием и в самом дружеском духе следит за каждым шагом, который делается на пути к восстановлению экономических условий, которые дадут России возможность восстановить свои производительные силы. Но эти условия, по мнению американского правительства, не могут быть созданы до тех пор, *пока не будут приняты необходимые меры теми, кто главным образом является ответственным за нынешнее экономическое расстройство России.* Кроме того, американское правительство считает, что в ожидании восстановления основ производительной деятельности России, которые были указаны в декларации, обнародованной американским правительством 25-го Марта 1921 г. и без которых американское правительство считает все попытки экономически восстановить Россию напрасными, не следует ничего предпринимать в смысле получения от России экономических преимуществ, которые нанесли бы ущерб справедливым интересам других наций; источники богатства русского народа должны быть свободны от такой эксплоатации, и *необходимо сохранить справедливые и одинаковые возможности для всех*, как в интересах русского народа, так и в интересах всех других народов".

Декларация от 25 Марта 1921 г. гласила: „Для американского правительства вполне очевидно, что при существующих условиях не может быть уверенности в развитии торговли, пока продолжают оставаться в силе теперешние причины прогрессирующего обеднения. Лишь под-

нятие производительности России—спасение русского народа. *Производительность же стоит в зависимости от личной безопасности, от признания и действительной гарантии частной собственности, ненарушимости договоров и свободы торговли*".

Итак, если судить по этой ноте, главной причиной отказа Америки участвовать в Генуэзской конференции, является нежелание представителей правительства С. Штатов сесть за один стол с делегацией России, пока в последней не будет восстановлен капиталистический строй. Мы уже констатировали выше, что в общественных кругах Америки, слишком отдаленных от России, анти-большевизм не носит такого острого характера. как в Европе, и потому очевидно, что ссылка на советский строй в России, как главный мотив отказа Америки от признания Советской России, носит лицемерный характер. В действительности русский вопрос далеко не играл решающей роли в позиции С. Штатов по отношению к Генуэзской конференции.

Истинные причины отказа С. Штатов от участия в Генуэзской конференции были разъяснены даже в американской прессе. Как писал в „Нью - Иорк - Гаральд" известный американский журналист Ф. Симондс, Америку удерживало от участия в Генуэзской конференции главным образом опасение, что в Генуе может быть поднят вопрос о союзнических долгах в связи с вопросом об экономическом восстановлении Европы. И действительно, многие органы европейской прессы ставили вопрос об аннулировании долгов, как единственном средстве вывести Европу из ее тяжелого финансового положения. Между тем для Америки этот вопрос имеет немаловажное значение. По данным американской комиссии по союзническим долгам к началу Генуэзской конференции общая сумма союзных долгов Америке с процентами равнялась 11.329.281.231 долларов т. е. более 11 миллиардов. Между тем внутренний долг С. Штатов достиг $23^1/_2$ миллиардов, кроме того предстоит уплатить специальную премию американским солдатам, бывшим участникам войны. Требование уплаты этой премии, „Soldiers Bonus", поддерживается значительной частью республиканских деятелей и связывается во всей Америке с агитацией за уплату Европой ее колоссальных долгов Америке. Хотя европейский долг Америке превышает значительно золотой фонд, которым располагают в настоящее время все страны мира, вместе взятые, миллионы американских граждан убеждены, что Европа в состоянии уплатить свои долги и лишь не желает этого сделать.

Таким образом отказ от участия в Генуэзской конференции нашел много сторонников в Америке; более того, незадолго до открытия Генуэзской конференции правительство С. Штатов выразило пожелание, чтобы европейские державы поскорее урегулировали вопрос об уплате своих долгов, по которым американское правительство до сих пор вынуждено за счет Европы выплачивать американским гражданам проценты.

Выше мы останавливались уже на отношении крупных американских аграриев к вопросу о признании Советской России. Образовавшийся недавно в лоне самой же правящей партии, так называемый „Фермерский блок", руководимый крупными аграриями, представляющий интересы самых зажиточных элементов фермерства, агитирующий за сверх-протекционизм, понижение заработной платы, выдачу солдатской премии не только инвалидам, но и вполне здоровым и трудоспособным участникам войны, в свою очередь, поддерживал компанию против участия Америки в Генуэзской конференции и требовал покрытия новых расходов из процентов от европейских долгов. Понятно также, что не в интересах аграриев было содействие восстановлению России, величайшей после С. Штатов сельско-хозяйственной страны в мире.

Следует прибавить, что *сырьевая проблема*, которая играет такую доминирующую роль в стремлении Англии, Италии и некоторых других государств к сближению с Россией, далеко не представляет столь острого значения для Америки. Англия рассматривает Россию, как источник сырьевых и продовольственных богатств. Влиятельный, стоящий близко к Ллойд-Джоржу орган „Обсервер" открыто заявил: „Если мы не будем жить с Россией, нам придется умереть с ней". Наоборот, Америка страна, обеспеченная собственным сырьем, собственным продовольствием, и для нее сближение Англии с Россией представляет серьезную опасность. Если С. Штаты в течение последних лет вытесняют Англию со многих пунктов земного шара и увеличили свой вывоз с 1913—1914 г. по 1920—1921 г. в Азию (Индия, Китай) с 125,9 миллионов долларов до 547,2 миллиона долларов, т. е. более *чем в четыре раза*, а в Южную Америку с 146,5 миллионов долларов до 547,2 миллионов долларов, т. е. почти в четыре раза [1]), эта победа С. Штатов над Англией, ее самым опасным конкурентом на мировом рынке, до сих пор поддерживающим мировую гегемонию в своих руках, является результатом потери Англией ее прежних источни-

---

[1]) См. статью Ф. Сыромолотова „Америка и Генуэзская конференция" в „Правде" от 12/II—1922 г.

ков сырья и продовольствия [1]). Конечно не в интересах Америки содействовать экономическому сближению Англии с Россией и уже потому одному Генуэзская конференция, которая могла привести к признанию Советской России и установлению теснейших экономических связей между величайшей промышленной державой Европы, Англией, и величайшей сырьевой страной Россией, не могли встретить симпатий в тех кругах американской буржузии, которые стремятся к захвату мировой гегемонии и низведению Англии на степень державы второго порядка.

§ 2. Друзья России в Америке.

Выше мы указали, какую роль в вопросе о признании Советской России играли крупные аграрии и представители реакционной буржуазии С. Штатов. Следует отметить позорную роль председателя „Американской Федерации Труда“ Самуэля Гомперса, который якобы от имени шести миллионов американских рабочих, организованных в профсоюзы, входящие в федерацию труда, послал протест президенту Гардингу против участия Америки в Генуэзской конференции, так как такое участие равносильно признанию большевиков законным правительством России. Этот факт ярко рисует физиономию вождей желтых союзов: Гомперс ни разу не протестовал против деятельности в Америке, в качестве оффициального, якобы, представителя России, бывшего царского посла Бахметьева, который до последнего момента свободно распоряжался 187 миллионами долларов, предоставленных американским правительством правительству Керенского в виде займа, но против признания Советской России вождь желтых союзов счел необходимым заявить свой протест. Самуэль Гомперс и другие заправилы желтых союзов стремятся навязать Америке роль мирового жандарма. Они целиком принимают программу американского посла Чайльда, заявившего при освящении гавани в Палермо, что Америка отмежевывается не от Европы, а от *революционных принципов*, где бы и под каким покровом они не проводились. „*Сохранение Америки, как могущественного фактора борьбы с революционными принципами отвечает интересам всего человечества*“. Конечно, не от имени американских рабочих, хотя бы даже самых отсталых, мог говорить Самуэль

---

[1]) О той громадной роли, какую Россия до мировой войны играла в снабжении Англии сырьем, продовольствием, см. нашу работу „Советская Россия и капиталистическая Англия“, стр. 47—51. Госиздат. 1922 г.

Гомперс. Американские рабочие, подобно рабочим других стран, стоят за безоговорочное и немедленное признание Советской России. Так, состоявшаяся в декабре 1921 г. в Нью-Иорке конференция по вопросу о безработице потребовала от правительства немедленного признания советского правительства, возобновления торговых сношений с Россией и открытия американских заводов для массового производства товаров, в которых нуждается Советская Россия.

Особенно ярким показателем отношения рабочих масс Америки к России служит факт выпуска Союзом американских портных займа в 1 миллион долларов для основания совместно с советским правительством общества швейной промышленности с целью содействия экономическому развитию Советской России.

Следует отметить, что за признание Советской России стоят и многие радикально настроенные, мелкие и средние фермеры, которые находят, что только экономическое восстановление Европы, немыслимое без признания Советской России, подымет ослабленные покупательные силы Европы и одновременно даст возможность последней в ближайшем будущем выплатить свои долги Америке. Факт сочувствия многих американских фермеров Советской России не скрылся даже от агентов Колчака в С. Штатах. Так консул Омского правительства в Питсбурге в своем донесении от 14 Июня 1919 г. сообщал о развитии „большевистского“ движения даже среди фермеров: „Большевизм—заявляет консул в Питсбурге—проник в среду фермеров и так называемая непартийная лига, держащая в своих руках правительственные круги в Северной Дакоте, уже приняла программу, во многих отношениях приближающуюся к домогательствам большевиков и индустриалистов“:

Во главе движения в пользу признания Советской России стоят и многие государственные деятели, занимающие высокое официальное положение. Таков, например, сенатор Бора, произнесший во время обсуждения резолюции об ассигновании 20 миллионов долларов в пользу голодающих России речь, в которой он требовал признания Советской России. Речь эта встретила сочувствие со стороны многих органов американской прессы и была приведена почти целиком в сотнях американских газет.

Сенатор Бора начал с того, что Россия, сражаясь в мировой войне на стороне союзников, понесла огромные жертвы; политика союзников, в частности С. Штатов, после революции шла в разрез с элементарными требованиями здоровых международных отношений. „Русский народ—сказал Бора—решился освободиться от старого

режима, который был источником его несчастий и страданий в продолжение сотен лет. После этого случилось то, что всегда бывает в революционное время—хаос, страдания, кровопролитие. У власти очутились те, со взглядами которых мы можем не согласиться. Они установили правительство, которое нам кажется неприемлемым, но это ведь является их делом. Тогда союзники повели по отношению к России политику, которую я не могу охарактеризовать иначе, как недопустимую, нетерпимую, бесчеловечную, грубую, жестокую. В настоящий момент нас трогают страдания сотен тысяч русских детей, которым угрожает голодная смерть. Я, однако, не могу забыть, *что мы принимали участие в бесчеловечной блокаде*, что в российские порты не допускались корабли с продовольствием и медикаментами для русских граждан. Тогда мы не обращали никакого внимания на умирающих в России детей и не поднимали голоса в их защиту. *Союзники установили по отношению к России такую жестокую и бесчеловечную систему, которая не имеет себе подобной в истории человеческих войн. Следует признать правительство, которое находится у власти в России.* Можете называть его большевистским правительством, или как вам угодно, но это правительство де факто... В продолжение 150 лет мы поддерживали отношения с царским правительством, самым жестоким и бесчеловечным во всем мире. Признать какое-нибудь правительство это вовсе не значит одобрить его, как образец для других стран, это значит признать, что такое правительство существует, управляет и делает дела коммерческого характера. Если бы мы стали на такую точку зрения еще два с половиной года тому назад, мы бы помогли восстановлению России и содействовали тому, что она получила бы возможность покупать товары, а не просить помощи, как в настоящее время... Нам говорят (намек на Юза), что Россия представляет собой экономический „вакум“ (пустоту), что ей нечем торговать. Не знаю. Хотя мне кажется, что это неверно, но в одном я уверен, что признание правительства, которое в течение четырех лет держится у власти, содействовало бы установлению в России нормального порядка.

Далее, сен. Бора провел интересную историческую параллель между отношением держав к революционной Франции в конце 18-го столетия и их отношением к революционной России и доказывал, что не следует повторять старых ошибок. Он также указал на лживую пропаганду о предстоящем падении советского правительства. „Я не согласен с тем, что проповедует Ленин – заявил сенатор,—но я рассматриваю его, как одного из двух-трех

великих государственных умов, которые проявили себя в период мировой войны". В заключение сенатор еще раз подчеркнул необходимость признания советского правительства.

Тот же сенатор Бора обратился к американскому правительству с предложением потребовать у бывшего царского посла в Вашингтоне Бориса Бахметьева отчета в израсходовании им 187 миллионов долларов, предоставленных американским правительством правительству Керенского в виде займа. Сенатор Бора выяснил, что Бахметьев вложил весьма крупные суммы в недвижимость, находящуюся в Нью-Йорке и Чикаго, и в настоящее время занят исключительно делами, имеющими отношение к этому имуществу. „Я уверен—говорит Бора,—что никакое русское правительство, а также русский народ, не получили ни одного цента от американского займа России в 187 миллионов долларов. Куда же девались эти деньги?"

Именно сенатору Бора при поддержке рабочих масс и демократически настроенных элементов американского общества удалось добиться, наконец, прекращения деятельности бывшего царского посланника в Америке, как официального представителя России.

Благодаря воздействию пролетариата С. Штатов, поддержанному усилиями демократически настроенных фермеров, сенатора вроде Бора, Гудрича и др., боровшихся против интервенции в России, ее блокады и т д., американское правительство пришло нам на помощь в борьбе с голодом, но все-таки друзьям России в Америке до сих пор не удалось добиться от правительства С. Штатов признания Советской России и установления экономического сотрудничества Америки с последней. Как правильно констатировала „Правда" в одной из своих передовиц, интересы огромного большинства буржуазных классов во всех странах Европы и Америки, интересы хозяйственного развития требуют экономического сотрудничества с Россией, но в том-то и дело, что во всех капиталистических странах фактическая власть находится не в руках буржуазного большинства, а в руках шайки дельцов, олигархии крупнейших аграриев, финансистов и промышленников, навязывающих своим странам политику, которая в корне противоречит интересам хозяйственного развития в Европе и Америке. Правительство С. Штатов является приказчиком олигархии, в которой самое видное место занимают нефтепромышленники, короли мирового нефтяного треста „Стандарт Ойль". Невозможно понять политику С. Штатов по отношению к Генуэзской и Гаагской конференции без уяснения сущности нефтяной политики современных капиталистических государств.

§ 3. C. Штаты и мировая борьба за нефть.

а) Роль нефти в мировом хозяйстве.

Подобно языческому храму Дагона, разрушенному Самсоном, тяжеловесное здание великих империалистических государств покоилось накануне мировой войны на двух столбах, двух колоннах. Одну из этих колонн составляли груды железа, другую—угля. И в сущности вся мировая война с ее борьбой за Эльзас-Лотарингию, с ее железными рудниками и сталелитейными заводами, за Бриейский железный бассейн, за великий угольный бассейн Сарры, за бывшее Царство Польское, за Марокко с его железными рудниками и т. д., была война за железо и уголь. Объясняя жизненную необходимость для Франции, владеющей железным Бриейским бассейном, отвоевать обратно у Германии Эльзас-Лотарингию и вообще весь великий угольный бассейн Сарры, распространяющийся на баварский Палатинат, рейнскую Пруссию и анексированную Лотарингию и заключающий до 10 миллиардов тонн угля, один из редакторов французского официоза „Тан“ Уллевич в статье от 8 февраля 1916 г. писал следующее: „Тщетно вы будете стремиться отделить железо от угля, последние будут притягиваться друг к другу; несмотря на все ваши пограничные столбы и таможенные заставы, эти элементы природы соединятся когда-нибудь друг с другом, и это влечение железа к углю и обратно снова бросит народы друг против друга и явится причиной рек крови“.

Таков был символ веры французских империалистов накануне и в период мировой войны. Так как железо и уголь с непреодолимой силой притягиваются друг к другу, стало быть Франция, владеющая железным Бриейским бассейном, должна отобрать у Германии и Эльзас-Лотарингию и весь великий бассейн Сарра с его 10 миллиардами тонн угля. По тем же соображениям империалистическая Германия, владевшая богатейшими угольными копями, стремилась к отнятию у Франции железных бассейнов Лонгви и Бриейя [1]).

Ныне на ряду с углем и железом мы имеем новый могущественный фактор международных конфликтов и

---

[1]) Подробно о роли угля и железа в происхождении мировой войны см. наши работы «Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего». Москва 1922 г. и «Что такое империализм». Петроград 1918 год.

надвигающихся мировых войн именно нефть. Более того, тот фонтан мутного и липкого вещества, который иногда в моменты внезапного бурного извержения выбрасывается в вышину на 25—30 сажен, как это случилось недавно в ночь на 12-ое мая при бурении одной из скважин на Баба-Эйбате (Баку), начинает постепенно заменять собой один из двух столбов, именно угольный, на которых покоится капиталистическое здание Дагона.

Нефть в качестве источника двигательной силы и топлива все более вытесняет уголь. В отличие от предшествующего столетия, столетия паровой машины и угля, *XX столетие становится веком двигателей внутреннего сгорания и нефти.*

До мировой войны значение нефти, как основного в ближайшем будущем источника двигательной силы, предугаданной еще в 80-х годах прошлого столетия русским великим ученым Менделеевым, не было осознано многими выдающимися европейскими политиками и экономистами. Несмотря на то, что главный толчек к применению нефти в промышленности был дан изобретением германским инженером Дизелем мотора, названного по его имени „Дизель-мотором", вызвавшим такой же великий переворот в области промышленности и индустрии, какой в свое время был произведен паровой машиной,—даже в Германии мировое значение нефти не было предугадано. Это явствует хотя бы из обозрения всей обширной германской литературы, посвященной великому багдадскому рельсовому пути и перспективам утверждения немецкой гегемонии в Анатолии и Месопотамии.

Изучая колоссальные естественные богатства Оттоманской империи, ее областей, бывших некогда колыбелью великих империй, ассирийской, персидской, арабской, славившихся своим могуществом, своей цивилизацией, своими некогда цветущими городами, Сузами, Ниневией, Вавилоном, Багдадом, германские исследователи подчеркивали значение Месопотамии и Сирии прежде всего, как области, крайне пригодной для колонизации, и как величайшего в мире поставщика хлеба и хлопка в ближайшем будущем.

С особой силой германская печать останавливалась на перспективах хлопководства в Месопотамии и высвобождения немецкой текстильной промышленности *из под хлопковой гегемонии Северо-Американских С. Штатов.*

Мировая война подчеркнула значение нефти как одного из важнейших условий победы. В своем продвижении на Кавказ на соединение с турецкими войсками, наступавшими на Баку, Германия руководилась исключительно стремлением овладеть бакинской нефтью, вырвать

с ее помощью победу, начинавшую склоняться на сторону Антанты. Равным образом одной из главных причин немецкого наступления на Румынию, как объясняет в своих мемуарах немецкий генерал Людендорф, была погоня за нефтью.

И во Франции накануне мировой войны значение нефти не было очевидно государственным деятелям и экономистам III-ей республики. Никто не задумывался над вопросом о роли нефти в будущей войне. А теперь мы имеем во Франции целую литературу, посвященную вопросам „нефтяной политики“ и „нефтяного империализма“, как, например, книги сенатора Беранже: „Нефть и Франция“ (Le Petrole et la France) 1920 г., „Керосиновая политика“ (La politique du Petrole) 1921 г., книгу Delaisi „Le Pétrole“ (Керосин) 1921 г., далее „Керосиновый империализм“ Луи ле Пажа (L. Le Page, L'imperialisme du petrole), статьи Энжерара „Международная нефтяная политика“, Эдгара Жоффруа „Нефтяная горячка“ и многое другое в „Correspondent“ и других французских журналах.

Из всех европейских государств раньше других оценила мировое значение нефти величайшая морская держава современности—Англия. *Основная задача имперской мировой политики Великобритании заключается в охране английских торговых путей и прежде всего пути на Индию.*

Для охраны своего господства на великих торговых путях Англия захватила Гибралтар, Мальту, Кипр, оккупировала Египет и Суецкий канал, утвердилась в Южной Африке и стремилась к овладению угольными станциями во всех пунктах земного шара. Ныне в тех же целях Англия стремится овладеть нефтяными источниками.

Мировая война, давшая мощный толчек развитию авиации, автомобилей, тракторов, в необычайной мере повысила спрос на нефть. Рядом с всевозрастающим увеличением потребления нефти на суше и в воздухе, шло увеличение спроса на нефть на море, по мере замены угля нефтью как в торговом, так и в военном флоте. Обладание нефтью явилось одним из главных условий господства на море, на суше и в воздухе.

„Без нефти“ — говорит французский сенатор Беранже—„мы не одержали бы победы над Германией“. „Союзники плыли к победе на волнах нефти“ сказал лорд Керзон в одной из своих речей. Поражение Германии в борьбе с Антантой в значительной степени объясняется нехваткой нефти у Германии.

„Если бы во время майских событий 1918 г. Германия имела такую же организацию автотранспорта, какую имели

мы—говорит офицер французского генерального штаба Дантене—никогда ее атака не была бы остановлена".

Как некогда золото, нефть нужна во время мира—и еще более во время войны. Достаточно указать, что Франция в течение одного 1918 г. употребила на нужды своей армии и флота 1.000.000 тонн нефти, закупленной в С. Штатах, участие которых в борьбе против Германии и было главным фактором победы Антанты.

Насколько важное значение придавали нефти во Франции, служит показателем то, что во время войны там был создан специальный нефтяной комитет, рассматривающий все вопросы по потреблению нефти под председательством известного сенатора Беранже, назначенного „главным комиссаром по нефти".

Характеризуя значение нефти для промышленности, можно ограничиться указанием нескольких примеров: применение нефти в топках сокращается до 25% обслуживающий машины персонал; одна тонна нефти заменяет 4 тонны угля. Не приходится говорить, что ни аэропланная, ни автомобильная промышленности без нефти не были бы возможны. Применение нефти в военном флоте, как для дредноутов, так и для подводных лодок, для танков, броневых автомобилей и военных аэропланов, придают огромнейшее значение нефти в сухопутной, морской и воздушной войне.

Поскольку до мировой войны многие европейские государства не имели никакой нефтяной политики, постольку, наоборот, теперь вопросы нефтяной политики являются основными вопросами для всех первоклассных государств.

б) Английская нефтяная политика.

Как величайшая в мире морская, промышленная и торговая держава, гегемония которой покоилась на господстве ее военных и коммерческих флотов на всех морях и океанах, Англия раньше других европейских держав учла мировое значение нефти и поставила одной из основных задач своей имперской политики — овладение всеми свободными нефтяными источниками, не захваченными еще С. Штатами. Морская гегемония Англии покоилась прежде всего на ее господстве над углем, приводившим в движение бесчисленные английские торговые и военные суда. Ее многочисленные угольные станции, расположенные на всех великих и малых морских путях, давали возможность Англии с большой выгодой для себя контролировать движения военных и торговых флотов всех стран.

Экспорт угля на своих судах, которые привозили обратно предметы сырья и питания, необходимые для Англии, удешевлял английский фрахт и давал возможность Великобритании победоносно конкурировать с другими странами в борьбе за овладение мировым водным транспортом. Уголь и железо составляли позвоночный хребет промышленного и военного могущества Великобритании. Но в один прекрасный день Англия обнаружила, во-первых, прогрессивное истощение ее богатейших угольных копей, а во-вторых, появление нового вида топлива, жидкого, более дешевого и удобного по сравнению с твердым топливом — углем, именно, мазута. Бесчисленные английские угольные станции, рассеянные по всему земному шару, рисковали оказаться бесполезными через несколько лет, и так как Англия не имела в своем распоряжении никаких нефтеносных территорий, перед ней вставала перспектива быстро превратиться в колосса на глиняных ногах, который в один день будет повергнут в прах новой грозной державой, трансатлантической державой, державшей в своих руках контроль над 70% мирового производства нефти. *Вопрос об овладении нефтью стал перед Британской Империей как вопрос жизни и смерти.*

Не теряя времени, Англия приступила к осуществлению своего нефтяного плана. Были отправлены экспедиции для изысканий в Индию, Цейлон, Румынию, на Кавказ и были приобретены важные концессии. Затем английский капитал начал свою работу и, например, на Кавказе в Бакинской нефтяной промышленности предприятия, принадлежавшие англичанам, давали до 60 — 70% всей бакинской нефти.

Одно английское транспортное общество „Шелль Транспорт“, основанное в 1897 году и занимавшееся торговлей черепахами, перламутром и т. п., было без шума преобразовано в общество по транспортированию нефти, причем оно сохранило свое название „Шелль“ (перламутр), чтобы не обратить внимания возможных конкурентов на новые поставленные перед ними задачи. В то время, как „Шелль Транспорт“ утвердилось в Нидерландской Индии, в России, на Балканах, Mexican Eagle (Мексиканский орел) смело перенес свою деятельность на территорию самой Америки, а Anglo-Persian Oil C⁰ (Англо-персидская нефтяная компания), образованная в 1909 году после подписания англо-русского договора о разделе Персии, получила громадные концессии на разработку нефтяных богатств в тех частях Персии, которые вошли в сферу влияния Англии.

„Шелль Транспорт“ соединилось с голландской компанией „Рояль Детч“ (Royal Dutch), и таким образом соз-

дался мощный нефтяной трест „Royal Dutch Shell", который выступил на арене мировой борьбы за нефть, как грозный конкурент американского нефтяного треста „Стандарт Ойль" (Standart Oil). Хотя С. Штаты продолжали доставлять 75% мирового потребления нефти, Англия с каждым днем усиливала свои позиции, как будущего гегемона нефти, захватив в свои руки богатейшие нефтяные источники во всех частях мира, не исключая и самой Америки.

О могуществе английского нефтяного треста „Рояль Детч Шелль" можно судить по тому, что в 1920 году капитал этого общества определялся в 22 миллиарда франков, тоннаж его наливного флота достигал 1.500.000 тонн, ежегодная добыча нефти 15.000.000 тонн.

Таким образом был заложен прочный фундамент нефтяного могущества Англии, могущества, являющегося основой мировой гегемонии в условиях промышленной революции, произведенной изобретением двигателей внутреннего сгорания. Чтобы укрепить и развить это могущество, империалистическая Англия поставила основной задачей своей внешней политики включение в сферу своего влияния Оттоманской Империи с Сирией и Месопотамией, равно как Персии и Кавказа, в целях образования из этих областей *английского нефтяного резервуара.* Превращение Кавказа, Сирии и Месопотамии в английский нефтяной резервуар повело бы к окончательному высвобождению Англии из-под нефтяной гегемонии С. Штатов и обеспечило бы в ближайшем будущем за Великобританией господство на мировом нефтяном рынке.

Осуществление английского плана создания богатейшего нефтяного резервуара, находящегося целиком в руках Великобритании, позволила бы Англии обеспечить нефтью не только самое себя, но и всю Европу и тем самым подчинить последнюю Англии.

Был момент, когда казалось, что английские планы близки к осуществлению. Это было тогда, когда английский флот господствовал на Каспийском море, а английские моряки занимали Баку и Апшеронский полуостров. В это время англо-индийские войска хозяйничали в Персии, а вся Турция лежала у ног Антанты. Однако, победы Красных войск на Кавказе, национальное движение в Анатолии и борьба против английского господства в Персии нанесли сильный удар английским планам создания средиземного нефтяного резервуара и тем самым поколебали устои, казалось, уже близкой мировой гегемонии Англии. Но, потеряв надежду захватить в свои руки силой оружия с помощью наших эсеров, азербейджанских мусиватистов, грузинских меньшевиков и армянских дашнаков кавказскую нефть в свои руки, Англия пытается добиться той

же цели окольным путем с помощью концессий. Тот же метод мирового захвата нефтяных богатств Англия начинает, правда, лишь отчасти применять и в Персии. Лишь в Турции Англия продолжает свою политику грубого, ничем не прикрытого насилия и войны для присвоения нефтяных богатств Месопотамии.

в) Американская нефтяная политика.

До мировой войны С. Штаты не видели ниоткуда опасности своей нефтяной гегемонии. Нефтяная промышленность являлась почти исключительно монополией С. Штатов, а в С. Штатах—монополией знаменитого нефтяного треста „Стандарт Ойль“, основанного в 1865 г. Рокфеллером. Накануне войны капитал этого могущественного треста достигал миллиарда долларов, а ежедневное производство нефти--700 миллионов барилей.

Вся нефтяная политика С. Штатсв в этот период сводилась к борьбе за рынок сбыта. Производя почти 70% мировой добычи нефти, *С. Штаты устанавливали цену нефти и ее продуктов на мировом рынке* и это, конечно, давало возможность американскому нефтяному тресту вытеснять своих конкурентов с тех или других рынков. К завоеванию новых источников нефти вне американского материка С. Штаты накануне войны не стремились.

В последний год мировой войны весь американский нефтяной флот, все американские запасы нефти служили целям войны с Германией и, можно сказать без преувеличения, находились в распоряжении всей Антанты, которой, правда, дорого пришлось расплачиваться за это. В общем С. Штаты доставили союзникам до 80% необходимой на военные и промышленные нужды нефти. Нефтяной американский трест нажил на этой операции колоссальные барыши и увеличил свой флот.

„Стандарт Ойль“ решил воспользоваться завоеванными позициями и немедленно после окончания войны повел атаку против европейских нефтяных обществ, пытаясь захватить их в свои руки или по крайней мере подчинить своему влиянию, чтобы безраздельно господствовать на мировом нефтяном рынке, во всех районах сбыта нефти и продуктов ее выработки.

Но было уже поздно. С одной стороны—за время войны необычайно усилился англо-голландский нефтяной трест „Рояль Детч Шелль“, который, понятно, нажил на поставке нефти армиям и флотам Англии и ее союзников громадные барыши и увеличил свой резервный капитал, равно как и нефтеносный флот; с другой стороны—Вели-

кобритания наложила руку на все источники нефти в областях, находящихся под английским контролем или влиянием.

В связи с истощением американских источников нефти и усилением мощи Великобритании, как нефтяной державы, американцы изменяют свою нефтяную политику и начинают борьбу не за рынки сбыта, *а прежде всего за овладение новыми источниками нефти в иностранных государствах.* Но здесь неожиданно обнаруживается, что не только в Европе и в Азии, но даже на самом американском материке в Центральной и Южной Америке, в Мексике источники нефти находятся под британским контролем, и целый ряд нефтяных обществ, американских по названию, по составу управления, оказываются филиалами английского нефтяного треста. Повторяется знаменитая история с Суецким каналом, который еще в то время, когда он принадлежал номинально французской компании и имел управление исключительно из французов, являлся уже собственностью англичан, скупивших все акции этого канала. В марте 1920 г. Маккей Эдчар следующим образом подвел итоги английской нефтяной политики в своей нашумевшей статье в „Times“: „Я утверждаю—заявил Маккей Эдчар—что *две трети разрабатываемых в Центральной и Южной Америке нефтеносных земель находятся в английских руках.* Главная из английских групп „Шелль“ владеет или контролирует предприятия на всех нефтеносных территориях земного шара; пройдет немного времени, и Америка принуждена будет покупать, уплачивая за это английским обществам миллионы ф. ст., нефть, без которой она не может обойтись и которую она не в состоянии будет получать из своих источников... *Позиции, занимаемые Англией, неприступны.* Америка может быть в состоянии будет сделать против нас то здесь то там вылазки, но не в силах произвести серьезной аттаки, ибо мы воздвигли против этой аттаки баррикады во всем мире“.

При таких обстоятельствах начинается борьба не на жизнь, а на смерть между двумя могучими нефтяными трестами „Стандарт Ойль“ и „Рояль Детч Шелль“. „Стандарт Ойль“ следит за всеми захватами Англии в области нефтеносных районов и требует для себя определенной доли добычи. Так под влиянием „Стандарт Ойль“ и агитации, поднятой в С. Штатах сотнями газет, находящихся в распоряжении нефтяного треста, правительство С. Штатов в ноте от 20 ноября 1920 г. решительно протестовало по поводу захвата Англией монополии на Месопотамскую нефть и потребовало, как мы выше упомянули, „равенства и одинаковых прав торговли и промышленности во всех территориях, подпавших под власть держав, благодаря

войне. *С. Штаты, содействовавшие победе, не позволят игнорировать американские интересы в вопросах, вытекающих из войны*".

В своей ответной ноте по поводу мандата на Месопотамию британское правительство указало, что концессии на эксплоатацию нефтяных залежей в Моссуле и Багдаде были предоставлены Англии еще до войны и что данные концессии находятся вне контроля Лиги Наций, а стало быть и С. Штатов. Однако, короли американской нефтяной промышленности не согласились с таким толкованием.

Вопрос о Багдадской дороге и Месопотамии перестал быть яблоком раздора между Англией и потерявшей всякое влияние в Азии Германией.

Теперь этот вопрос на-ряду с борьбой за нефтяные залежи в Персии, Палестине, Египте, Центральной и Южной Америке, Мексике и т. д. становится могущественным фактором конфликта, все более и более обостряющегося, между Англией и Америкой в связи с усилением значения нефти, как основного условия военного и экономического могущества государств.

г) Французская нефтяная политика.

На-ряду с Англией и Америкой выступила со своей собственной нефтяной политикой и Франция, овладевшая нефтяными источниками в Румынии и Галиции. Франция, в свою очередь, пыталась получить свою долю в эксплоатации бакинских источников и захватить нефтяные районы в Месопотамии. На конференции в Сан-Ремо 24 апреля 1920 г., между Англией и Францией было подписано соглашение, по которомуФранция должна получить определенную часть принадлежавших раньше немецким капиталистам акций в нефтяных предприятиях Галиции, Румынии и у нас в Баку (фирма Нобеля). По отношению же к Месопотамской нефти Франция получила право провести два нефтепровода в зоне французского влияния. К этому следует добавить, что по договору, заключенному между представителями Англии Сейком и Франции Пико, Франция должна была получить Моссульские нефтяные промысла—центр Месопотамского нефтяного района. Последняя уступка, сделанная Франции, вызвала сильнейшее возмущение в Англии. „В Моссуле решается судьба английской гегемонии на морях"—писали некоторые английские газеты. Франции пришлось отказаться от Моссула.

д) Генуэзская конференция и Гаага и борьба за русскую нефть.

В таком положении обстояло дело с нефтяным вопросом накануне Генуэзской конференции. Нефтяной фронт величайшей нефтяной державы С. Штатов, только недавно державшей мировую гегемонию в своих руках, был прорван на громадном протяжении английскими трестами, перешедшими в наступление по всей боевой линии и сумевшими ворваться даже в твердыню американского керосинового могущества, в Мексику. Английские авантюристы, в лице целой тучи агентов Пирсоновского треста, проникают в Венецуэлу, Костарика, Колумбию и даже Эквадор, производят здесь смелые рекогносцировки и, как бы смеясь над доктриной Монроэ, делают попытки захватить в свои руки все свободные нефтеносные районы, близкие к Панамскому каналу, чтобы таким образом сосредоточить в руках Англии снабжение нефтяным топливом всего громадного тоннажа, проходящего через Панамский канал. Вся эта нефтяная эпопея свидетельствует, между прочим, о том, что английская буржуазия по своей предприимчивости, духу инициативы, ловкости и организационными способностями превосходит американскую буржуазию, не говоря уже о зараженной духом рутины французской буржуазии. Положение принимает серьезный оборот. Американские геологи вычисляют, что почва С. Штатов заключает в себе 7 миллиардов барилей нефти, в то время как весь остальной мир имеет этих запасов до 50 миллиардов, причем значительная часть этих запасов оказывается захваченной англичанами, которые во всех своих угольных станциях, рассеянных по всем морям, сооружают гигантские резервуары для хранения нефти. *Таким образом Великобритания обеспечивает за собой командующее положение на всех морских путях в том случае, если уголь окончательно будет вытеснен нефтью в качестве средства отопления торговых и военных судов.*

Перед фактом такого решительного поражения могучего американского треста в борьбе со своим английским сравнительно молодым конкурентом, родившимся почти на 30 лет позже американского плаща, нефтяным американским королям остается только утешаться и оправдываться ссылками на свое „благородство“, свой „идеализм“ и т. п. „В то время как мы все наше время тратим на то“— заявил сенатор Гардинг—„чтобы давать уроки *альтруизма* всему миру, другие государства, *а в особенности Великобритания*, захватили мировые нефтяные богатства, этот

фундамент мирового экономического владычества". Еще резче говорил на заседании американского сената мистер Реапс из Калифорнии: „Во время войны англичане клянчили деньги у американцев и на эти деньги скупали нефтяные источники где только возможно. Они получили в долг от нас четыре миллиарда долларов якобы на военные нужды и т. п. С помощью наших миллиардов стремились захватить нефтяную монополию во всем мире в свои руки".

Неудивительно, что при такой остроте „нефтяного" вопроса, запах нефти должен был сильно чувствоваться и на Генуэзской конференции. И еще до созыва последней Кашен в „Юманите" писал, что Генуэзская конференция в своей основе явится борьбой за нефть. И это так оно в незначительной части и было. В настоящее время ни одна буржуазная газета в Европе и С. Штатах не отрицает, что одной из важнейших причин неудачи Генуэзской конференции был вопрос о нефти. В этом отношении очень характерна статья французского официоза „Тан" от 7 мая. Оспаривая обвинения английских газет, сваливающих ответственность за неудачу конференции на Францию, „Тан" писала: „Если обвиняют Францию, то и мы выступим с обвинением. *Тогда правда в конце-концов выплывает наружу из колодца, хотя бы это и был нефтяной колодец*".

Нам не нужно заглядывать особенно глубоко в нефтяной колодец, чтобы знать, где зарыта собака. С. Штаты стремились сорвать Генуэзскую конференцию и помешать экономическому сближению России с капиталистическими государствами, опасаясь, что больше всех государств выиграет при данных условиях от такого сближения Англия захватом бакинских нефтяных источников, что она вытеснит Америку с русских нефтяных полей с такой же ловкостью, с какой она вытеснила последнюю с нефтяных полей Месопотамии. Те же соображения руководили правительством С. Штатов в его политике по отношению к Гаагской конференции. „Вопрос о Гааге соединяется для Америки с вопросом о нефтяных концессиях" писала „Речь Посполита" по поводу отказа С. Штатов от участия в Гаагской конференции. „Политика С Штатов по отношению к Гааге исходит от американского посла в Италии Чайльда и инспирирована нефтяным трестом „Стандарт Ойль",—телеграфировал в свою газету из Вашингтона корреспондент „Дейли Геральд".

Сообщения американских и французских газет о том, будто в Генуе подписан Советским правительством договор с английским нефтяным трестом, вызвали сильнейшее волнение в С. Штатах, равно как и во Франции. Нефтяной

вопрос выбил из состояния равновесия С. Штаты. Как писала газета „Интернациональ“, оба треста: английский „Рояль Детч“ и американский „Стандарт Ойль“ подкупали крупную и мелкую печать во всех странах, поочередно привлекали фунтами стерлингов и долларами французскую официозную прессу, политических деятелей, дипломатов и военных. Так один из бывших членов французского генерального штаба генерал Гассуен присутствовал в Генуе в качестве представителя „Стандарт Ойль“ и содействовал организации борьбы за нефть в мировом масштабе, при чем противником его оказались представитель „Рояль Детч“, английский полковник Бойль. Как писала американская газета „Нью Иорк Геральд“, американские капиталисты опасаются, что они будут вытеснены из Кавказских нефтеносных полей в результате шагов, предпринимаемых английским трестом. Бельгийцы и французы оказались в таком же положении и таким образом создался новый „Тройственный“ союз, американско-франко-бельгийский нефтяной Союз для борьбы против английских планов захвата Кавказской нефти в свои руки.

Лишнее доказывать, что Советское правительство не думало предоставить никому монополию на нефть. Конечно английским трестам было бы очень желательно захватить монополию на русскую нефть в свои руки: ведь Россия является третьей страной в мире по. добыче нефти и второй по богатству нефтяными источниками, и захват последних Англией, несомненно, обеспечил бы за Великобританией мировую гегемонию. В самом деле, запасы нефти в С. Штатах определяются в 7 миллиардов барилей, если прибавим к этой цифре $4^1/_2$ миллиарда барилей мексиканской нефти,— получим всего $11^1/_2$ миллиардов барилей. Между тем в странах, находящихся во владении Англии или в зоне английского владения, находятся следующие запасы нефти в миллионах барилей в круглых цифрах.

Персия и Месопотамия	5.800
Индия	1.000
Ост-Индия	3.000
Канада	1.000
	10.800

Нефтяные богатства России, Сибири, Кавказа, Северного Сахалина определяются приблизительно в 7 миллиардов барилей. Таким образом ясно, что кто захватит в свои руки русскую нефть, тот будет гегемоном на поле борьбы за нефть. Правда, добыча нефти в России пока еще сравнительно ничтожна, именно: 25 миллионов барилей в 1920 г., но не следует забывать, что добыча нефти в Мексике в

1918 г. равнялась той же цифре (25 миллионов барилей), а за истекший период добыча нефти в Мексике увеличилась в шесть раз и в настоящее время в Мексике добывается около 170 миллионов барилей нефти.

Каковы же планы Советской России по вопросу о привлечении иностранного капитала к эксплоатация нефти? Т. Красин в беседе с представителем „Матэн" заявил, что все сообщения о договоре Советского правительства с английским трестом „Рояль Детч" не соответствуют действительности. Тов. Красин указал, что сдача всей нефти в одни руки, предоставление монополии на нефть кому бы то ни было противоречит и нашим принципам, и нашим интересам. Советское правительство предполагает оставить 1/4 бакинской нефти в распоряжении государства, а остальную часть разделить на три или четыре зоны, которые будут эксплоатироваться под единым техническим руководством. В интересах России—предоставить эксплоатацию отдельных зон различным иностранным обществам, например, одну зону—английским капиталистам, другую зону—американским, третью—бельгийским, четвертую—французским и т. д.

Таковы наши предположения. Но почему же капиталисты Европы и С. Штатов не согласились так легко на наши предложения? На этот вопрос т. Ленин уже давно дал ответ в своей книге „Империализм, как последний этап капитализма". По определению тов. Ленина. „Империализм, есть *монополистическая* стадия капитализма или иначе еще короче: *империализм есть монополистический капитализм.*

Ни „Стандарт Ойль", ни „Рояль Детч", каждый в отдельности, не желают отказаться от своих планов на монопольный захват наших нефтеносных источников с целью разгрома своего конкурента и захвата нефтяной гегемонии в свои руки. Но в конце-концов дело кончится тем, что международные нефтяные тресты вынуждены будут принять наши условия. Россия не Месопотамия и не Мексика, да и в этих странах монопольный захват нефти не удается так легко.

Здесь следует отметить правильность соображений т. П. Козьмина, указывающего в „Правде" на крайнюю важность для Америки русской нефти. Америка добывает у себя три миллиарда пудов нефти. Она использовала у себя все нефтяные источники. Мы же максимально добывали лишь 560 миллионов пудов, не использовав и 1/10 мощности наших нефтяных источников.

„Америке нужно по меньшей мере еще 2 миллиарда пудов нефти в ближайшие годы. Эту нефть она может получить только у нас. Америка имеет лучших в мире

изыскателей и инженеров нефтяного дела. Она могла бы в 3—4 года помочь нам поднять нашу нефтяную промышленность до 3 миллиардов пудов. Мы могли бы вывозить 2/3 этого производства. Это значит, что наш довоенный экспорт мы повысим почти на 70 проц., т.-е. ценность нефтяного экспорта превысит ценность экспорта с.-х. продуктов довоенного времени. Иначе говоря, мы сможем из Америки получать на один миллиард золотых рублей техническое оборудование для сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности. Все европейские страны будут дополнительно давать нам машины за хлеб и другие продукты сельского хозяйства.

„Вот почему около Советской Республики вертятся европейские комиссионеры, изысканно дипломатичные, как Ллойд-Джордж, и хамски грубые, как Барту,-которые зарятся на нашу нефть, чтобы перепродать ее Америке".

И в наших интересах и в интересах Америки установить непосредственные деловые отношения между обеими странами. Но правительство С. Штатов, как бы желая вырвать пальму первенства в этом отношении у реакционной Франции, не только само не желает признать Советской России, но и препятствует всеми силами признанию последней другими государствами. Эту политику многие органы американской печати объясняют уверенностью шайки дельцов, руководящих судьбами С. Штатов, в том, что в случае признания Советской России последнюю придется трактовать как „равную", между тем как в противоположном случае можно будет де заставить Россию принять все условия и отдать концессии международному капиталу на наиболее выгодных условиях. Вот чем нужно объяснить заявление из Вашингтона, что „Америка готова приступить вместе с другими державами ко всякой чисто научной „анкете" относительно положения России и мер, которые необходимы для ее возрождения, *но при этом Америка категорически отказывается участвовать в каких либо совещаниях, так или иначе затрагивающих вопрос о признании Советского правительства*". Одним словом, американская олигархия как будто собирается поставить на колени и положить „на обе лопатки" Советскую Россию. Понятно, этого не будет, и планы шайки дельцов экономически поработить Россию и превратить ее в колонию, путем отказа от признания Советского правительства, кончатся таким же фиаско, каким завершились все попытки добиться той же цели путем интервенции с помощью белогвардейских армий и экспедиционных иностранных отрядов в Архангельске, Одессе, на Кавказе, в Сибири и т. д.

Стремление правительства С. Штатов третировать Советскую Россию как какую-то колонию ярко проявляется

в ноте, которую американский министр иностранных дел разослал в связи с приглашением Америки на Гаагскую конференцию всем заинтересованным державам. Изложив в этой ноте подробно точку зрения американского правительства на созыв конференции в Гааге и доказывая ненужность последней, министр говорит, между прочим, следующее:

„Американское правительство считало бы более рациональным командирование в Россию комиссии экспертов для подробного ознакомления с реальными нуждами русского народа и для выработки тех мер, которые надлежит принять для оказания ему помощи.

„Анкетная комиссия должна была бы обследовать *естественные богатства России*. (Курсив наш. М. П.).

„Америка не возражала бы против того, чтобы и Германия, и даже Россия, приняли участие в этой анкетной комиссии при том, однако, условии, чтобы русские члены комиссии ограничились выяснением фактов, а отнюдь не занимались бы защитой коммунизма".

Итак в комиссию, которую Америка собирается послать в Россию, для „обследования естественных богатств России", представители последней могут быть допущены лишь при соблюдении ими определенных условий, которые выработают стервятники мирового капитализма. Кажется, дальше уже нельзя идти в стремлении третировать великую страну, как вотчину международной капиталистической олигархии, как поместье шайки ростовщиков, современных бандитов, именуемых королями промышленности.

Очевидно в связи с этой наглой нотой т. Чичерин сделал соответствующее заявление корреспонденту американской газеты „Дейли Ньюс", перепечатанное во всей американской и европейской прессе в следующем изложении:

„Сегодня Народный Комиссар по Иностранным Делам РСФСР Чичерин заявил мне самым категорическим образом, что *Россия не пойдет более ни на какие уступки Америке и не допустит никакого вмешательства Америки или какой-либо другой страны в ее внутренние дела.*

„Мы хорошо понимаем,—сказал Чичерин,—что без помощи С. Штатов ни одной серьезной попытки к восстановлению экономической жизни России нельзя было предпринять. В то же время мы уже сделали все уступки, которые могли быть сделаны, и дальше мы не уступим ни одному новому требованию Америки. Вашингтон должен понять, и чем скорее, тем лучше, что Советская власть окончательно установилась в России и что возможность изменения чего-либо в существующем правлении России совершенно исключена. Нам приходилось иметь дело с американцами двух типов: типа Чарльза Крена, который

находился в резкой оппозиции всему, что хоть сколько-нибудь напоминает о большевизме, и с типом Гудрича, совершенно объективно оценившего положение вещей. Если бы в Америке было больше людей, столь же мало предубежденных, как Гудрич, то Советская Россия и С. Штаты быстро пришли бы к соглашению.

„Хотя Советское правительство не возражает против приезда в Москву международной коммерческой комиссии, однако, оно не потерпит никакого вмешательства во внутренние дела Республики".

Мы думаем, что заявление т. Чичерина могло быть сделано в более энергичном и резком тоне.

* * *

Борьба, возгоревшаяся вокруг русской нефти, лишний раз подчеркивает, какими колоссальными подпочвенными богатствами обладает Россия. Кроме С. Штатов нет другой страны, за исключением Советской России, которая обладала бы такими безграничными естественными богатствами. Россия—единственная страна на европейском материке, имеющая в своем распоряжении все основные элементы производства, без которых ни одна страна не в состоянии собственными силами обеспечить свое существование. Мы имеем хлеб, имеем уголь, имеем железо, имеем хлопок и вдобавок богаты нефтью, многочисленные источники которой у нас еще не затронуты в то время, как запасы американской нефти истощаются. А у нас в последнее время чуть ли не каждую неделю мы читаем о новых фонтанах, которые начинают бить из земли (Биби-Эйбат, Грозный и т. д.) и выбрасывают 200, 300 тысяч пудов нефти в день, образуя целые нефтяные озера.

Неужели мы будем продолжать искать помощи для разработки наших естественных богатств у капиталистических держав, которые находятся в стадии сильнейшего разложения и сами не знают, чем наполнить свой голодный желудок. Неужели у нас найдутся маловеры, которые подпишутся под словами Ллойд-Джорджа, призывавшего на Генуэзской конференции помочь России на том основании, что „Россия, де, не сможет встать на ноги в течение целого поколения без помощи Европы". Прав, тысячу раз прав тов. Гастев, когда он бьет набат в „Правде" от 3 июня и взывает: „Бьет час. Пора перестать ждать, перестать надеяться на заморское счастье. Из той рухляди, какая осталась, будем все делать своими собственными силами... Надо стать ловкими сыщиками жизни, уметь быстро ориентироваться и развертываться". Неужели из тех столбов нефти, которые порой на несколько десятков сажен в вышину подымаются над землею, мы не сумеем упорным трудом

на нашем потенциально могучем железо-угольном фундаменте выстроить громадные колонны, на которых мы соорудим здание нашей возрожденной промышленности. Мы ничего не создадим в один—два года, и кто надеется, что иностранный капитал, иностранные инженеры помогут нам в корогкий срок поднять наши производительные силы—тот утопист. Новаторы в области социально-революционных опытов, мы—увы—являемся консерваторами в области поднятия наших производительных сил, эксплоатации безграничных наших подпочвенных богатств. Мы страдаем „Европо-центризмом“ и все надеемся, что вот приедет барин из Америки, „барин все устроит“. Пора нам начать рассчитывать и надеяться только на самих себя. История Каширской станции, созданной упорным четырехлетним трудом наших рабочих и крестьян, работавших под руководством наших инженеров и трех техников из простых рабочих: Антонова, Громыхалина и Силантьева, созданной в условиях неслыханной разрухи без помощи иностранного капитала и иностранных мастеров, история Волховской станции, немногие другие примеры показывают, что если не в пять, в десять лет мы при напряжении всей нашей энергии, воодушевленные духом инициативы и созидания, при умелом пользовании теми хотя бы зачастую и примитивными орудиями, какие имеются под рукой, сумеем до основания преобразовать нашу отсталую страну.

Строители жизни, вперед во главе воодушевленных вами батальонов на осаду старой рутины, на штурм всяких упований на американского или английского дядюшку, вперед к созиданию новой жизни собственными руками, собственным умом на земле, изобилующей такими сокровищами, каких не имеет ни одна страна.

IV. Америка и голод в России.

Из всех капиталистических государств только одна Америка оказала нам реальную помощь в борьбе с голодом, поразившим Россию в 1921—1922 г. В то время как французское правительство сделало попытку воспользоваться страшным бедствием, постигшим Россию лишь для того, чтобы послать к нам под маской благотворительности своих разведчиков и шпионов в целях подготовки новой интервенции [1]), в то время как английское правительство,

[1]) Об этой дьявольской махинации французской буржуазии, во время раскрытой Наркоминделом, см. нашу работу „Советская Россия и капиталистическая Франция“ (стр. 55—60: Французская Республика и голод). Госуд. издат. 1922 г.

нашедшее, по выражению Бернарда Шоу, сто миллионов фунтов стерлингов для военного авантюриста, пытавшегося низвергнуть русское правительство, заявило, после целого ряда лицемерных фраз о своем желании помочь русскому народу, что оно, де, не имеет никаких средств для спасения от голодной смерти миллионов русских детей, и предложило ничтожный запас медикаментов, не стоящий по словам того же Бернарда Шоу и двух пенсов, правительство С. Штатов, несмотря на самые резкие выпады по адресу Советской власти, оказало такую великую по своим размерам и по своему значению помощь русскому народу в борьбе с голодом, о которой ни Советское правительство, ни рабоче-крестьянские массы никогда не забудут.

Значение, размеры, формы американской поддержки в области помощи голодающим были выпукло охарактеризованы т. Эйдуком в ряде статей, напечатанных в „Правде“ и в „Известиях“.

В начале Америка нам помогала—говорит тов. Эйдук,—если можно так выразиться, нелегально. Работали в области борьбы с голодом американские частные благотворительные организации, правительство как бы закрывало глаза перед этой работой. Так продолжалось до конца 1921 г., когда американский конгресс ассигновал на помощь нам 20.000.000 долларов, т.-е. 40 миллионов золотых рублей. На основании этого решения конгресса АРА получила возможность отправить в Россию 20 миллионов бушелей (36 миллионов пудов) зерна.

Нельзя не отметить той быстроты, с какой работала АРА. Соглашение между Американской Администрацией Помощи и Литвиновым было подписано в Риге 20 августа. 23 августа уже был отправлен из Данцига в Ригу первый транспорт с продовольствием, а 26 из Гамбурга был отправлен в Петроград второй транспорт, содержащий 37.200 пудов разных продовольственных грузов. Первоначально средства АРА составлялись, как мы отметили выше, исключительно из добровольных пожертвований американского народа. Деятельность АРА необычайно расширилась с момента ассигновки конгрессом суммы на помощь голодающим России и к концу января 1922 г. деятельность АРА, по данным т. Эйдука, выражалась в следующих цифрах.

В Симбирской губернии АРА имела 898 питательных пунктов, на которых питалось 177.320 человек. В Татреспублике—2.039 столовых, питалось 203.698 человек. В Башреспублике—323 столовых—питалось—32.112 человек. В Марийской области—10 столовых, питалось—952, в Чувашской—10 столовых, питалось—1.498 чел., в Кирреспуб-

лике—290 пит. пунктов, питалось—54.117 чел., в Самарской губ. 1.232 столовых, питалось—252.300 детей, кроме того здесь 183 дет. учреждений. В Саратовской губ. питалось 106.000 детей, в Немкоммуне—31.000 детей, в Царицынской губ. питалось 95.478 детей. В Петрограде на 1-ое января функционировало 113 столовых, в которых питалось 34.138 детей. Московская работа АРА: 29 столовых, 5 дет. учреждений, питалось в первых 31.030, во вторых—853 чел. Эти цифры говорят сами за себя. В феврале число детей, получающих питание, доходило уже до 1.700.000 едоков. В марте это число было доведено до 2.000.000. С тех пор дело помощи еще более подвинулось вперед. На 1-ое мая прибыло в голодающие губернии Поволжья 5.213 вагонов американского продовольствия, т. е. более 5 миллионов пудов. Из них в Казанскую базу для Татреспублики, Чуваш и Маробласти 854 вагона; в Саратовскую для Саратовской губернии и Немкоммуны—986 вагонов; в Царицынскую базу для Царицин. губ., Астраханск., и Калмыцкой области—267 вагонов, для Симбирской, Самарской, Уфимской губ. и части Башреспублики—2.387 ваг., для Кирреспублики—719 вагонов.

Это давало возможность осуществить программу АРА—кормить 5 милл. взрослого населения.

К 1-му мая 1922 г. в наши порты прибыло уже американских хлебо-продуктов 17.164.486 пудов, из них 14.304.486 пудов кукурузы и 2.840.000 пудов пшеницы.

Таким образом американцы быстро приближались к выполнению своего плана помощи кормить 2 миллиона детей и 5.000.000 взрослых.

Но на этом не остановилась поразительная деятельность АРА. Согласно сообщению т. Эйдука, по разработанному в мае 1922 г. новому плану АРА приняла на себя кормление 3 миллионов детей, 5 миллионов взрослых, 250 тысяч беженцев, кроме того: на Украине 500.000 детей и 100.000 взрослых, в Крыму 50.000 детей и 100 тысяч взрослых.

Не ограничиваясь открытием детских столовых, кухон и других институтов помощи, АРА открыла в целом ряде городов России и Украины американские склады продовольственных посылок, давшие возможность гражданам С. Штатов путем взноса 10 долларов отправлять своим родственникам или знакомым в России трехпудовые продовольственные посылки. Ввиду громадного числа в С. Штатах эмигрантов из России и Украины эта форма помощи приняла также немаловажные размеры.

Кроме помощи продовольствием Америка предоставила более чем на 10 миллионов долларов медицинского снабжения, в состав которого входят перевязочный материал, одеяла, общее больничное оборудование и до 75 на-

званий основных лекарств. Медицинские средства АРА исходят из двух главных источников. Американский конгресс постановил отправить в Россию из запасов военного ведомства на 4.000.000 долларов медицинского снабжения, и Американский Крест передал АРА медицинского снабжения более чем на 3.000.000 долларов; остальное пожертвовано частными лицами. В мае месяце находилось в морском пути к нам 70.000 ящиков с различными медикаментами.

Помощь, оказанная С. Штатами России в области помощи голодающим, грандиозна, можно сказать беспримерна. Еще никогда в истории правительство одной страны не приходило в таких размерах на помощь другой стране, с правительством которой оно находилось в неприязненных отношениях. Несомненно, с одной стороны, что самый факт широкой помощи, оказываемой С. Штатами голодающему населению России, объясняется, настроением рабочих масс Америки и миллионов выходцев из России, требовавших оказания такой помощи,—несомненно с другой, что эта помощь приняла бы еще более широкие и реальные размеры, если бы не интересы американских аграриев, которые очень косо смотрели на эту „филантропию“ по отношению к недавнему конкуренту С. Штатов на мировом зерновом рынке и добились того, что помощь нам была оказана главным образом в форме присылки кукурузы, а не пшеницы; как бы то ни было, С. Штаты присылкой хлебо-продуктов спасли миллионы людей от голодной смерти и тем обеспечили наличность рук для нового урожая, что предотвратило неизбежность голода и в следующем году.

С другой стороны присылка семян дала возможность этим миллионам спасенных от голодной смерти труженикам обсеменить свои поля и предотвратить новую еще более ужасную катастрофу в будущем году.

Следует отметить, что не только городские рабочие массы С. Штатов энергично поддерживали идею помощи голодающей Советской России, но и многие американские фермеры отзывчиво откликнулись на призыв Общества друзей России в Америке помочь нашей стране. Вот что т. Ю. Писаренко писал в „Известиях“ от 11 июня об американской производственной экспедиции, прибывшей в Россию для помощи голодающим (Ю. Писаренко. Дар американских рабочих. Из беседы с т. Кеннен).

Общество друзей России в Америке, ставящее своей задачей как моральную, так и материальную помощь Советской России, организовало сельско-хозяйственную производственную экспедицию в Россию. Экспедиция в количестве 11 человек выехала 10 мая из Америки и наднях прибыла в Москву.

Экспедиция привезла с собой 21 трактор и большое количество запасных к ним частей. Во главе экспедиции стоит проф. сельско-хозяйственной американской школы Гарольд Веер, вместе с ним прибыл один из организаторов так называемой беспартийной радикальной группы фермеров, крайне интересующийся строительством Советской России Чарльз Гек. Чарльз Гек весьма гордится тем, что сенатор его штата Лет внес в Сенат билль о признании Советской России. В экспедиции имеется большой знаток сельско-хозяйственных орудий, получивший за свои работы несколько медалей—Жозеф Брюккер. В экспедиции находятся также коренные фермеры Америки Джордж Иврсон, Отто Энстрон, Сиборн Ирриксон, Микке Милинг. Кроме того, в качестве механика, на обязанности которого будет лежать ремонт прибывших тракторов, в экспедиции состоит Джон Шелонборгер. Кроме жены Веера, специалистки по сельско-хозяйственному делу, в экспедиции находится русский эмигрант из крестьян, пробывший в Америке 8 лет и окончивший там сельско-хозяйственную школу, Иван Плющик. Экспедиция также имеет своего доктора.

Производственная экспедиция проникнута желанием принести материальную пользу Советской России. Здесь на месте она решила обратиться в Наркомзем с просьбой предоставить в ее распоряжение для обработки собственными силами 25.000 десятин земли в Поволжье. Экспедиция намерена в ближайшее время отправиться на отводимый ей участок земли. Друзья России предполагают произвести осеннюю запашку и посев. Семена для посева должны в скором времени прибыть из Америки. Американцы привезли с собой продовольствие для экспедиции на 6 месяцев, медикаменты и кинематографический аппарат, чтобы зафиксировать всю работу и окружающую их жизнь для агитации в Америке. Доктор экспедиции Гудаш, кроме оказания медицинской помощи членам экспедиции, намерен широко использовать свои знания для помощи населению России.

Вся экспедиция пока обошлась друзьям России в 50.000 долларов. Прибывшие друзья России подчеркивают, что они не концессионеры, а искренние друзья. Всю работу по запашке и обсеменению 25.000 десятин поволжской земли они произведут на свой счет. По окончании осенних работ приехавшие „друзья России“ возвратятся на родину и весной их сменит другая группа, которая, привезя с собой жатвенные машины, произведет сбор урожая. Весь урожай экспедиция отдает в полное и безвозмездное распоряжение Советской России, не поднимая вопроса о контроле по его распределению и т. п. Жить „друзья России“ предполагают в палатках на месте ра-

боты. Специально оборудованные для этого палатки экспедицией привезены из Америки. Тракторы в настоящее время находятся в портах Латвии, где их выгружает проф. Веер. На всех машинах и запасных частях находится клеймо „Дар русскому рабочему от рабочего Америки".

Члены экспедиции отмечают рост симпатий к России среди рабочих и фермеров Америки. Особенно симпатии эти заметны в Западных Штатах Америки. Общество „Друзей России" с каждым днем все более и более увеличивает кадры и в некоторых штатах оказывает существенное влияние на формирование общественного мнения в отношении Советской России. За время голода обществом „друзей России" собрано в пользу голодающих 750.000 долларов.

Вместе с экспедицией в Россию приехал тов. Кеннен, представитель американской рабочей партии, организовавшейся в декабре 1921 г. Партия эта восприняла революционную платформу, базирующуюся на принципах коммунизма. Тов. Кеннен поддерживает тесную связь с экспедицией и информирует ее по всем вопросам русской жизни. Между прочим, интересно отметить, что экспедиция, прежде чем отправиться в Россию, старательно изучила по русским источникам все условия русской почвы и возможности, могущие возникнуть в связи с ходом сельско-хозяйственных работ. Эта экспедиция, по словам ее членов, не является случайным явлением, а лишь первым шагом в ряде последующих по оказанию материальной помощи Советской России. Все сельско-хозяйственные орудия, привезенные экспедицией, поступают в собственность Р. С. Ф. С. Р.

Как бы мы ни осуждали политику правящих классов Америки по отношению к Советской России, политику, так ярко выразившуюся, между прочим, во время Генуэзской конференции,—Советское правительство и рабоче-крестьянские массы никогда не забудут той великой помощи, которую Трансатлантическая Республика оказала русскому народу в период небывалой катастрофы, поразившей все Поволжье и обрекавшей на смерть от мук голода десятки миллионов людей, не забудут и имена Гарольда Ф. Бленди и других членов Американской Администрации Помощи, которые скончались от тифа на своем посту в голодающих областях России [1]).

---

[1]) Следует заметить, что деятельность Ара в России возбудила сильное подозрение в империалистических кругах Японии, предположивших, что американская филантропическая работа в России имеет задачей помешать ослаблению России в целях возможного в будущем использования последней в качестве союзника С. Штатов в войне с Японией, см. об этом „Советская Россия и империалистическая Япония".

СОДЕРЖАНИЕ.

Предисловие 3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Россия и Америка до Октябрьской революции.

§ 1. Русско-Американские отношения в XIX столетии:
Война за независимость и лига вооруженного нейтралитета. Война за освобождение негров и эскадра адм. Лиссовского. Убийство президента Линкольна. Выстрел Каракозова. Русско-американская дружба 5

§ 2. Русско-американские отношения от начала нынешнего столетия до Портсмутского мира:
Политика „открытых дверей"- Экономическая сущность русского и американского империализма. Борьба за Маньчжурию; русские и американские методы. Портсмутский мир. Еврейский вопрос в русско-американских отношениях 11

§ 3. От Портсмутского мира до Октябрьской революции:
2-я дипломатическая война С. Штатов за Маньчжурию, Харбин-Хайларский инциндент.—Проект нейтрализации Маньчжурии.—Проект Цзиньжоу-Айгунской дороги. Вопрос о Маньчжурии и Дальнем Востоке в период мировой войны 26

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Советская Россия и Америка.

I. Россия и Америка в период от Октябрьской революции до Вашингтонской конференции.

§ 1. Зигзаги американской политики в период интервенции. Отношение рабочего класса и буржуазной интеллигенции к интервенции 36
§ 2. Мировая война и промышленный кризис в С. Штатах. Вопрос о Камчатке и Сахалине. Концессия Вандерлипа и вопрос о нефти . 40
§ 3. Республиканская партия и Советская Россия. Промышленный кризис. Приготовления Америки к будущей войне 48
§ 4. Борьба за мировую гегемонию. Успехи Америки в области торгового судостроения 51
§ 5. Демократическая партия. Американские аграрии и Россия 54

II. От Вашингтона до Генуи и Гааги. Вопрос о Сибири. 57

III. Генуя и Гаага.

§ 1. Правительство С. Штатов и советский строй 67
§ 2. Друзья России в Америке 76
§ 3. С. Штаты и мировая борьба за нефть: а) Роль нефти в мировом хозяйстве, б) Английская нефтяная политика, в) Американская нефтяная политика, г) Французская нефтяная политика, д) Генуэзская конференция и Гаага и борьба за русскую нефть 80

IV. Америка и голод в России. 96

Вышедшие в свет издания Истпарта (комиссии по истории Октябрьской революции Российской Коммунистической партии (большевиков).

1. [illegible] Основные моменты в развитии коммунистической партии в России.
2. Из эпохи „Звезды“ и „Правды“ (1911—1914 г.г.). Сборник I и II.
3. **П. Н. Лепешинский.** На Повороте. Воспоминания (1890—1905 г.г.).
4. **Д. Сверчков.** На Заре Революции. Воспоминания (1903—1905 г.г.).
5. [illegible] дни Самарской учредилки.
6. **А. Рябинин.** Р. М. Семенчиков (из истории рабоч. движения в Иваново-Вознесенске).
7. „Пролетарская Революция“. Журнал №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9.
8. **От группы Благоева к союзу борьбы** (1885—1894 г.г.), Сборник. Ч. I.
9. [illegible] Николаевский „Южно-Русский Раб. Союз“.
10. **Бобровская.** Записки рядового подпольщика (1894—1905 г.г.).
11. **М. Ольминский.** „Из Прошлого“. Сборник статей.
12. **М. Павлович** (Вельтман). Россия и капиталистическая Франция.
13. **М. Павлович** (Вельтман). Россия и капиталистическая Англия.
14. Социал-демократические издания (указатель соц.-дем. литературы на русском языке) 1883—1905 г.г. под редакцией [illegible]
15. [illegible] Канун 17-го года. Ч. 2.
16. **Памятник борцам пролетарской революции.** Т. I и II.
17. Революционная деятельность Конкордии Николаевны Самойловой. Сборник воспоминаний.
18. **А. И. Шаповалов.** По дороге к Марксизму. (Воспоминания рабочего-революционера. Ч. I. до лета 1896 года).
19. Старый Товарищ **А. П. Скляренко.** 1870—1916 г.
20. **Ф. Н. Самойлов.** Воспоминания об Иваново-Вознесенском рабоч. движении (1903—1905 г.г.).
21. **Бюллетень Истпарта № 1.**
22. **Фишер.** В России и в Англии.

БИБЛИОТЕКА
[illegible]

КОПИРОВАНИЕ

16.03.02